

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Традиции и новации в проповедях протоиерея Андрея Ткачёва

Исполнитель Серых Ирина Александровна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)

Дорофеева Марина Георгиевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«9» мая 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОМИЛЕТИКИ	5
1.1. Гомилетика как раздел риторики.....	6
1.2. Жанр проповеди: истоки, формирование, канон.....	26
Выводы по главе 1	38
ГЛАВА 2. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРОПОВЕДЯХ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ ТКАЧЁВА.....	40
2.1. Проповедь в современной практике Церкви.....	40
2.2. Проповеди протоиерея Андрея Ткачева: традиция и своеобразие	47
Выводы по главе 2	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	69

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию традиций и новаций в проповедях протоиерея Андрея Ткачева.

Одной из особенностей нашей эпохи является превалирование устного слова над письменным. Во всех сферах жизни – от политики до коммерции умение говорить публично стало необходимым качеством современного человека. Слово звучит всюду – доклады в учебной аудитории, научные диспуты, телевизионные ток-шоу, стримы блогеров в телеграмм-каналах и т.п. Церковное красноречие не остается в стороне. Проповедь как жанр церковного красноречия вышла за стены храма. Священники имеют возможность обращаться к огромному числу людей. Это – с одной стороны. С другой – проповедь как риторический жанр была и остается предметом научного исследования.

Большинство современных исследований направлены на изучение истории вопроса и выделение отличительных черт церковного красноречия в сравнении с другими риторическими жанрами. Попыток же рассмотреть современную проповедь не только с точки зрения следования традиции, канону, но и того нового, что в этом жанре появляется, пока немного. В связи с этим, нам показалось интересным провести структурный и лингвистический анализ публичных выступлений (проповедей) одного из самых ярких современных православных ораторов – протоиерея Андрея Ткачева. Этим и определяется **актуальность** нашей работы.

Целью исследования является изучение проповедей протоиерея Андрея Ткачева и выявления в них традиционных и новых элементов.

Для достижения цели нам необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить научную литературу по теме ВКР и установить особенности проповеди как риторического феномена;
- 2) выяснить характер взаимоотношений гомилетики и риторики;

3) установить характерные традиционные черты православной проповеди;

4) оценить факторы, влияющие на особенности проповедничества в современном мире;

5) проанализировать проповеднические тексты протоиерея Андрея Ткачева с точки зрения сочетания в них традиционных и новаторских элементов;

б) сделать выводы.

Объектом данной работы является профессиональная речевая деятельность протоиерея Андрея Ткачева.

Предметом исследования стали традиционные и новаторские элементы проповеди протоиерея Андрея Ткачева.

Материалом исследования послужили тексты 25 проповедей протоиерея Андрея Ткачева.

Методологической базой исследования стали теоретические труды зарубежных и отечественных ученых по проблемам риторики (Сократа, Платона, Аристотеля, М.Т. Цицерона, М.Ф. Квинтилиана), неориторики (М.М. Бахтина, А.А. Волкова, В.С. Пронина, Э.О. Гавриковой), гомилетики (Н.И. Барсова, архиеп. Феодосия (Бильченко), В.Ф. Певницкого), лингвистики (С.С. Аверинцева, С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой).

Для реализации поставленных задач были использованы следующие исследовательские **методы**: метод наблюдения над языковыми явлениями и фактами, описательно-аналитический метод, сравнительно-сопоставительный анализ.

Теоретическая значимость. В данном исследовании проповедь как жанр церковного красноречия рассматривается как риторический феномен.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть применены для дальнейшего изучения современной риторики, связей между гомилетикой и неориторикой, а также использованы при подготовке учебных

пособий для студентов-филологов, изучающих проблемы современной устной речи.

Структура работы: дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Апробация работы: Исследование прошло апробацию на Международной научной сессии XX Невские чтения - 2024 «Гуманитарное знание в условиях многоаспектной конвергенции»: научно-практическая конференция «Культуры и культуры» (НИЯиК, 18.04.2024); студенческой научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика»: секция «Лингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения русского языка» (РГГМУ, 25.04.2024).

ГЛАВА 1. РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОМИЛЕТИКИ

*«Они должны учить народ Мой
отличать священное от несвященного
и объяснять им, что нечисто и что чисто»
(Иез.44)*

*«И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари»
(Мк.16:15)*

Гомилетика как наука об искусстве церковной проповеди на протяжении долгого времени не выделялась в отдельную область знания, так как сама проповедь рассматривалась представителями церкви как жанр риторики. Это связано, в первую очередь, с тем, что возникновение христианской проповеди неразрывно связано с культурой Древней Греции и Древнего Рима, в которых важную роль составляли публичные выступления и неразрывно связанное с ними ораторское искусство.

Древние риторы посредством грамотной яркой подачи стремились убедить публику в истинности и необходимости того или иного политического решения, виновности или невиновности того или иного государственного деятеля, достоверности той или иной точки зрения и т.д. Способы убеждения необходимы были и в разговорах об устройстве Бытия, об истинности или ложности определённого мировоззрения и связанного с его распространением духовного движения. Так зарождается проповедь в широком смысле слова, в объём понятия которой входит и разновидность христианской проповеди. Поэтому, прежде чем обратиться к разговору о современной православной проповеди, стоит выяснить те факторы, которые оказали влияние на формирование традиции христианского красноречия.

1.1. Гомилетика как раздел риторики

Православное христианство со времён Крещения Руси святым равноапостольным князем Владимиром играло важную роль в государственной политике русского народа (в разные времена религия была как первоосновой принятия политических решений, так и главным врагом режима). За многовековую историю русского государства Православная Церковь переживала разные ситуации: были и периоды расцвета христианской религии, и периоды гонения и даже попыток уничтожения памяти о православной вере. Так или иначе во все эпохи человек оставался человеком и как его волновали примерно одни и те же нравственные вопросы, так и мучали его примерно одни и те же страсти и грехи. Менялись только декорации жизни, в которых решались вечные загадки бытия человеческого. И на все эти вопросы в разных реалиях жизни продолжала отвечать Православная Церковь во все периоды истории, что осуществлялось посредством обращения к людям через речи священнослужителей, которые опирались на Вечные Библейские Истины. Одним из основных видов такого обращения к пастве является, конечно же, проповедь.

В современных толковых словарях определения проповеди, в первую очередь, связаны с религиозной тематикой, преимущественно, христианской направленности. Так, в «Словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова значение данной лексемы определяется в первом значении как «речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме во время богослужения» [39, 617]. Похожее толкование лексической единицы «проповедь» в первом значении встречается и в «Большом толковом словаре русского языка» Сергея Александровича Кузнецова и в «Современном толковом словаре русского языка» Татьяны Фёдоровны Ефремовой. Первый лексикограф объясняет проповедь в первую очередь как «речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви» [24, 1021], а второй как «речь религиозно-поучительного характера, произносимая

священнослужителем в храме во время богослужения» [16]. Несмотря на то, что слово проповедь в первом значении в данных словарях толкуется практически идентично, второе значение данной лексемы в них различается. Так, Ефремова вслед за Ожеговым определяет проповедь как «распространение какого-либо вероучения, идей, взглядов, связанных с той или иной религией», с одной только разницей, что Ефремова связывает распространение каких-либо идей именно с религией, а Ожегов в своем определении не делает акцента на этой сфере социальной жизни. У Кузнецова же вторым значением лексической единицы «проповедь» становится «нравоучительная речь; поучение, наставление», с пометкой неодобрительной коннотации данного варианта значения. Ефремова выделяет также и третье значение слова «проповедь»: «сочинение, заключающее в себе наставление, поучение как жанр древнерусской литературы».

Наиболее разносторонним и в то же время нейтральным определением проповеди в толковых словарях, на наш взгляд, является определение данного понятия, сформулированное одним из крупнейших специалистов в области изучения античной и средневековой литературы, историком культуры, библиистом и переводчиком Сергеем Сергеевичем Аверинцевым в словаре «София-Логос». Отметим, что ссылки на данную словарную статью при толковании значения лексемы «проповедь» приведены во многих словарях (например, в Большой советской энциклопедии, в Социологическом словаре и в онлайн-словаре по культурологии). Согласно формулировке Аверинцева, «проповедь» представляет собой *«дидактическое произведение ораторского типа, содержащее этические требования (обычно с религиозной окраской) и понуждающее слушателя к эмоциональному восприятию этих требований»* [1, 363]. В определении советского и российского филолога, так же, как и в определениях, приводимых нами выше, отмечена поучительная направленность проповеднической речи, однако Аверинцев не делает акцент на том, что проповедь произносится именно священнослужителем и именно в стенах церкви. Кроме того, историк культуры, определяет «проповедь» не

просто как назидательную речь, но как «произведение ораторского типа», то есть как результат литературной деятельности конкретного человека. К тому же Аверинцев обозначает проповедь как один из жанров риторики. Остановимся подробнее на этом моменте и углубимся в изучение исторических «корней» жанра проповеди.

Согласно выводам Аверинцева, проповедь как «дидактическое произведение ораторского типа, содержащее этические требования по отношению к слушателям» [1, 363], возникла с пятого по девятый века до нашей эры, что было связано с развитием таких духовных движений как: буддизм, джайнизм, конфуцианство, зороастризм, ионийская философия, пифагореизм и ораторская деятельность ветхозаветных пророков в Израиле. Как отмечает историк культуры, возникновение вышеперечисленных течений стало следствием того, что к этому периоду развития социума в сознании людей сформировалась способность к осмыслению жизненной позиции человека в мире.

Очевидно, что для существования и развития того или иного духовного течения было необходимо увеличение его последователей, что невозможно без публичных выступлений представителей различных мировоззренческих объединений перед людьми с целью распространения определённых идей в обществе. Так и стала возникать особая форма публичных выступлений религиозно-философской направленности – проповедь. Примерами проповедей представителей вышеперечисленных духовных движений могут служить: в буддизме – буддийская литература, в зороастризме – речь Заратуштры в Авесте, в ионийской философии и пифагореизме – проповеднические оттенки в выступлениях Гераклита, Эмпедокла и, наконец, речи пророков Исаяи, Даниила, Иезекииля в Ветхом Завете.

Возникновение христианской проповеди связано, в первую очередь, с именем Иисуса Христа, ярким примером ораторской деятельности которого служит Нагорная Проповедь. В ней собраны изречения Спасителя, отражающие его моральное учение. Согласно замечанию профессора

Московской Духовной Академии протоирея Петра (Викторовича) Гнедича, «всё содержание христианской проповеди составляет Сам Господь Иисус Христос и наше в Нем спасение» [13, 36]. Профессор отмечает, что даже ветхозаветную проповедь, продолжением которой и стала христианское красноречие в Новом Завете, можно рассматривать как «проповедь о Христе» [Там же]. Аргументируя это положение, Гнедич ссылается на известные слова Блаженного Августина: «Новый Завет скрывается в Ветхом, Ветхий Завет раскрывается в Новом» [Там же].

Далее, опираясь на словарную статью Аверинцева, сосредоточим внимание на его заключении о том, что «христианская проповедь совмещает в себе одновременно *ораторские техники позднеантичного морализма и восточной – преимущественно иудаистской – пропаганды*» [1, 364]. И рассмотрим подробнее представленные техники красноречия.

В качестве представителей позднеантичного морализма Сергей Сергеевич Аверинцев выделяет римского философа и государственного деятеля Луция Аннея Сенеку и римского философа Эпиктета, которые оба являются представителями философской школы стоицизма. Опираясь на словарную статью Новой философской энциклопедии, напомним, что учение стоиков основывается на структурной взаимосвязи трех частей: логики, физики и этики, которая выражает всеобщую логичность бытия, заключающуюся в единстве законов разума-логоса в сферах познания, мироустроения и морального целеполагания. В области логики и физики наибольшее влияние на стоицизм оказали Аристотель и Мегарская школа, в то время как этика формировалась под влиянием одной из наиболее значительных сократических философских школ – философии кинизма [38].

Однако большую ценность для данного исследования представляет именно техника публичных выступлений стоиков. Стоицизм в своем философском отношении занял позицию между философией Аристотеля и Платона, с одной стороны, и философскими убеждениями Сократа и кинизмом, с другой стороны. В связи с тем, что нас интересуют именно

особенности красноречия стоиков, закономерно будет рассмотреть возможное влияние этих деятелей не только на идейную основу стоицизма, но и на форму его представления, разъяснения публике. После этого необходимо будет перейти к выделению риторических особенностей произведений представителей стоицизма и выявить их влияние на христианскую манеру проповедования.

Обратимся к диалогам Сократа и рассмотрим отношение его к риторике и те принципы красноречия, которые он считает ключевыми. В связи с тем, что Сократ не оставил после себя письменных трудов, проанализируем его отношение к риторике на материале диалога «Горгий», зафиксированный учеником философа Платоном. В полемике со своим собеседником Горгием Сократ определяет риторику как «мастерицу производить убеждение верующее, а не обучающее касательно того, что справедливо, а что нет» [41, 351]. Кроме того, Сократ отмечает, что риторика рассуждает о явлениях справедливых и несправедливых, из чего следует, что красноречие всегда справедливо, так как это благо. Михаил Леонович Гаспаров в статье «Цицерон и античная риторика», отмечает, что «для Сократа существует абсолютная истина и она божественна – она выше человеческих суждений, и она-то является мерой всех вещей» [11].

Сократ является одним из главных античных ораторов, поэтому рассмотрим риторическую манеру, которая свойственна для публичных выступлений философа. Риторическую технику Сократа специалисты определяют, как *диалектику*, то есть искусство ведения рассуждений, дискуссий. Она представляет собой систему дискуссионной аргументации, которая строится на чередовании вопросов и поиске ответов на них. Поиск истины является ключевым в риторике Сократа. Философ не стремился поучать своих учеников: он беседовал с ними и при помощи вопросов позволял им посмотреть на предмет рассуждения с другой стороны и, возможно, переоценить отношение к нему.

Далее рассмотрим подход к риторике ученика Сократа – Платона, отношение которого к красноречию также повлияло на риторику стоиков. В первую очередь, отметим, что в теории красноречия Платона выразились особенности его философских взглядов. Так, Платон, опираясь на свои философские убеждения, говорит, что «всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, - у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому» [26]. Иными словами, философ настаивает на том, что при составлении речи, при её подготовке, ритор обязан в первую очередь понимать, что его выступление должно быть построено как одно целое, части которого с разных сторон представляют основную идею обращения к людям.

Опираясь на статью Гаспарова, отметим, что Платон отстаивает позицию Сократа, заключающуюся в том, что оратор, прежде чем наставлять слушателей на истинный путь, сам должен знать, что истинно, а что ложно, что справедливо, а что нет, заключая, что такие знания доступны только философу. Так, риторике как практическому знанию, приобретаемому с опытом, Платон противопоставлял истинное красноречие, которое зиждется на справедливом знании – доступном философу. Гаспаров заключает, что, «познав сущность вещей, философ приходит к правильному о них мнению, а познав природу человеческих душ, он правильно внушит свое мнение душам слушателей» [11, 11]. Алексей Фёдорович Лосев также подчеркивает данную позицию Платона. Опираясь на комментарии ученого к диалогам античного философа, можно утверждать, что ученик Сократа видит в риторике не просто сноровку и угодничество, а сознательно проводимое искусство, которое способно насаждать благие чувства. Иными словами, риторика, по мысли Платона, «есть творческая деятельность, которая воплощает высшую справедливость в человеческом обществе при помощи последовательного приведения всех низших страстей в стройное и упорядоченное состояние» [26].

Взгляд Платона на ораторское искусство свидетельствует о том, что философ помимо содержательной стороны выступления придавал огромное значение технической стороне речи, понимая совершенную технику речи в тесной связи с учетом психологии слушателей. Среди черт характерных для ораторской техники Платона выделяются:

- ясное разделение речи на части, включающее четкое разграничение общего и частного, что позволяет в процессе выступления гармонично переходить от одного к другому, и наоборот;

- эмоциональная убедительность речи, которая, по мнению Платона, превосходит логические убеждения;

- определенная логика построения речи (Платон предлагает следующее её композиционное построение: вступления, изложения и свидетельств, доказательств, правдоподобных выводов).

Исходя из всего вышеописанного, можно сделать вывод, что Платон относился к науке о красноречии как к важному философско-психологическому учению и, следовательно, ритор, по мнению философа, обязан в своих выступлениях говорить только о том, что истинно, насаждая тем самым благие чувства в душах слушающих. При том, содержание речи оратора следует композиционно выстраивать и излагать эмоционально-убедительно в необходимой мере для подчеркивая достоверности главной идеи выступления.

Теперь обратимся к определению риторики, которое формулирует последователь Платоновской школы – Аристотель – в своем одноименном учебнике по красноречию «Риторика». Философ определяет риторику как «способность убеждения относительно каждого данного предмета» [6, 6б]. Ученик Платона подчеркивает, что риторика находит способы убеждения именно относительно *каждого* данного предмета, так как данная наука не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов в отличие от всех других учений.

Примечательно, что Аристотель не принимает платоновский разрыв между чувственным и умопостигаемым миром – между мнением и знанием. Он разрабатывает по образцу логики учение о доказательствах, по образцу этики – учение о возбуждении страстей, а учение о словесном выражении в его понимании стало систематизацией приемов практической риторики с точки зрения ясности – главного требования к речевому стилю. Аристотель создает систему философской риторики, в которой гармонично соединены философские обоснования и практические требования к речи.

Важную часть книги «Риторика» Аристотель отводит размышлению о «стиле оратора». Наиболее приемлемый стиль речи – это классический стиль, который характеризуется такими качествами, как *ясность, простота, доступность и безыскусственность*; также «в речи не должно быть ничего экстравагантного, варварского, бьющего в глаза своей оригинальностью или рассчитанного на сплошное удивление» [6, 105]. Аристотель отмечает, что хороший стиль «одинаково допускает длинноты и сжатость», однако в меру – «все слишком длинное и все слишком сжатое, - согласно заключению Аристотеля, - не соответствует хорошему стилю» [6, 110].

Таким образом, Аристотель определяет риторику как искусство убеждения, которое имеет отношение ко всем областям знания. Главным же назначением этого искусства является умение находить способы убеждения в каждом отдельном случае. Философ отмечает, что действие убеждающей речи зависит от нравственного характера говорящего, качества самой речи и настроения слушателей. Кроме того, Аристотель разрабатывает понятие классического – хорошего стиля, который зиждется на понятиях ясности, доступности и искренности.

Отметим, что риторическое учение Аристотеля оказало огромное влияние на таких «столпов» римского ораторского искусства, как Цицерон и Квинтилиан. Рассмотрение особенностей их отношения к риторике, как последователей Аристотеля, кажется нам важным в контексте всего данного исследования, поэтому прежде чем перейти к выявлению меры влияния

Сократа, Платона и Аристотеля на красноречие представителей стоицизма, остановимся на данных деятелях ораторского искусства.

Марк Туллий Цицерон неоднократно использовал в процессе выработки своего риторического учения элементы риторики Аристотеля, однако, опираясь на статью о риторике Аристотеля в Стэнфордской энциклопедии философии, отметим, что к этим элементам римский оратор обращался с целью найти «концептуальную основу для собственного руководства по риторике», а не для интерпретации позиции самого Аристотеля [72].

Взгляд Цицерона на риторику значительно отличается от существовавших в его эпоху трактовок красноречия. По мнению Гаспарова, оратор критикует подход, выраженный в них, сразу с двух сторон: «с точки зрения теории и с точки зрения практики, от лица греческой философии и от лица римской политики» [11, 25]. Для Цицерона истинный оратор – это обязательно государственный деятель, следовательно, совершенным оратором может быть только *человек высокой культуры и обширных знаний*. Римский мастер красноречия выделяет три задачи, которые необходимо решить оратору: 1) доказать свои положения; 2) доставить наслаждение слушателю; 3) воздействовать на его волю. Подходить к решению каждой из этих задач следует, используя три разных «стиля»: спокойный «тонкий» стиль пригоден для убеждения; «средний» стиль, созданный софистическим красноречием, отличается наибольшим изяществом; патетическая сила «величавого» стиля увлекает и волнует слушателя. Ораторская тактичность же заключается в умении пользоваться по мере необходимости всеми тремя стилями.

Кроме того, отметим, что вслед за Платоном, Цицерон настаивает на необходимости знания философии оратором, так как «без философии не может явиться такой оратор, какого мы ищем; без философского образования мы не можем ни различить род и вид какого бы то ни было предмета, ни раскрыть его в определении, ни разделить на части, ни отличить в нем истинное от ложного, ни вывести следствия, ни заметить противоречия, ни разъяснить двусмысленное» [67]. То есть, по мнению Цицерона, оратор – это

человек, который может наставлять других людей своей речью на путь истинный, так как он сам её постиг.

Однако, Гаспаров утверждает, что в теоретической философии Цицерон воздерживался от всякого суждения об истине, а в практической философии его позиция была близка стоикам, глубоко преданным нравственному долгу (сопоставление позиции Цицерона с философией стоицизма особенно интересно для нас в рамках этой главы). То есть в системе философского скептицизма истинность подменялась вероятностью, факты – мнениями, а доказательность – убедительностью, из чего закономерно Гаспаров делает следующий вывод о взглядах Цицерона на риторику: «из всех возможных мнений истинно то, которое красноречивее изложено», следовательно, красноречие не только излагает уже доказанные истины, но и служит средством «достижения сомнительных истин» [11, 36]. Таким образом, по мнению Цицерона, «красноречие — вершина науки ... в мире скепсиса, где все истины науки относительны, одни истины красноречия абсолютны, ибо они убедительны» [Там же].

Помимо всех вышеуказанных требований к речи оратора, которые выделяет Цицерон, мастер красноречия настаивает на необходимости соблюдения следующих рекомендаций. Цицерон убежден, что настоящий оратор обязательно продумывает план своего выступления: он знает, «что сказать, где сказать и как сказать» и умеет для каждой ситуации выбрать стиль, подобрать красивые слова и правильно расположить их в речи. План также предполагает возможность предусмотреть вероятную реакцию публики на те или иные слова и их композицию из чего следует, что ритор должен в ходе выступления привлечь слушателя во вступлении речи, изложить всё ясно и лаконично, аргументировать свою точку зрения и опровергнуть противоположную, а затем завершить всё эмоциональным заключением. Не мало внимания Цицерон уделяет и актерскому мастерству оратора, который посредством чувств, жестов, тона голоса и выражения лица может вызывать необходимые для убеждения чувства в душах слушателей. Кроме того, оратор

настаивает на том, что речь должна обладать «приятностью ритмов» [67], которая предполагает при необходимости *в той или иной части выступления повторять одно слово или синтаксическую конструкцию, держать определенный темп, перечислять предметы резко, без союзов, или вовсе придавать определенный ритм иллюстрациям, намекам и пр.* Также римский государственный деятель настаивает на том, что в выступлении (при условии, что это уместно) не стоит избегать шуток, так как *смех оживляет и делает интереснее любое изложение мысли*, если ритор не начинает вести себя как шут и острословить. И что самое привлекательное и важное в контексте нашего исследования, Цицерон утверждает, что в ораторском искусстве было бы величайшей ошибкой уклоняться от обычных оборотов речи и от среднего человеческого понимания. Иначе говоря, оратор должен говорить с публикой на понятном ей языке.

Гаспаров, подводя итог размышлений о Цицероне, заключает, что «цицероновский образ оратора остался в веках самым ярким воплощением того, что мы называем античным гуманизмом» [11, 65]. Позднее от стиля его красноречия ораторы стали отходить к более упрощённой технике. Однако с этим процессом опрощения классического красноречия соглашались не все. Одним из них стал «беззаветный поклонник» [11, 67] цицероновского красноречия – Марк Фабий Квинтилиан. Остановимся на его понимании риторики.

Для Квинтилиана имя Цицерона стало символом красноречия – «залогом спасения от соблазнительной порочности нового стиля» [11, 68]. Так, размышляя над причинами упадка Цицероновского стиля красноречия, Квинтилиан приходит к выводу, что главной из них стало несовершенное воспитание молодых ораторов. В связи с чем ритор и педагог предлагает программу воспитания молодого оратора и выделяет следующие постулаты этой программы: развитие нравственности и вкуса мастера красноречия. Таким образом, вновь обращаясь к выводу Гаспарова, отметим, что

Квинтилиан вслед за Цицероном видит «залог процветания красноречия не в технике речи, а в личности оратора» [11, 68].

Особенно интересно в рамках данного исследования рассмотреть влияние риторического учения Квинтилиана на манеру церковного красноречия. Профессор Московской Духовной академии Александр Павлович Шостьев (Шостин) отмечает, что «влияние риторики Квинтилиана больше всего проявилось именно в науке церковного красноречия» [71]. Он утверждает, что «курсы гомиластики со времен Рейхлина и Меланхтона, можно сказать, до наших дней не обходятся без ссылок на его (Квинтилиана) авторитет» [71]. Автор отмечает, что вне зависимости от взглядов гомиластов на роль риторики в развитии церковного красноречия, все исследователи гомиластики в той или иной мере признают влияние учения Квинтилиана на искусство проповеди. В качестве примера Шостин ссылается на отечественного специалиста в области гомиластики – Як. Амфитеатрова, который, по замечанию богослова, в своих «Чтениях о церковной словесности» нередко следовал наставлениям Квинтилиана. Главным трудом литературной деятельности Квинтилиана является сочинение «Об ораторском образовании» в 12 книгах. Исходной мыслью текста Квинтилиана является необходимость добродетели для совершенного оратора, так как мастер красноречия помимо своих ораторских данных и умственного развития должен ещё быть честен и благороден, «ибо для общественного, равно как и для частного блага нет ничего пагубнее красноречия, решившегося служить злу» [71]. В этом положении можно заметить следование Квинтилиана принципам риторики, которые определил ещё Сократ: «риторика должна говорить о вещах справедливых».

Таким образом, проследив становление риторических принципов и особенностей ораторской техники, которые выделяли Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон и Квинтилиан, можно сделать вывод, что все данные мастера красноречия настаивали на том, что риторика, в первую очередь, должна говорить о вещах справедливых, и эта справедливая мысль должна

быть представлена публике в грамотной, логически выстроенной, доступной и живой форме.

Итак, рассмотрев особенности ораторской техники Сократа, Платона и Аристотеля, обратимся к особенностям стиля стоиков и посмотрим, отразилось ли на уровне формы влияние данных античных риториков на технических особенностях речи последователей стоицизма, к которым относятся Луций Анней Сенека и Эпиктет.

Опираясь на труд преподавателя казанской духовной академии И.А. Невзорова «Мораль стоицизма и христианское вероучение», отметим, что в учении стоицизма различают его греческий и римский этап. Невзоров утверждает, что греческие стоики, опираясь с одной стороны на философию Сократа и киников и с другой стороны на учения Платона и Аристотеля, настаивали на «внутреннем органическом единстве теоретического знания и практической деятельности» [36]. Из чего следует, что истинная нравственность зиждется на теоретическом знании, а истинное теоретическое знание, в свою очередь, рождает «добрую нравственность» – то есть логика, физика и мораль, согласно учению греческих стоиков, необходимы в равной степени. В своих выступлениях они говорили о благе и добродетели, однако, как отмечает Невзоров, решали эти вопросы своеобразно. Если же переходить от содержания к форме моральных рассуждений последователей философии стоицизма, то, опираясь на заключение Невзорова, отметим, что стоиков считали «напыщенными риториками, плохими софистами, путающимися в противоречиях и сбивающими с толку людей со здравым смыслом» [36]. Подобный вывод вытекает из тех фактов, что греческие последователи философии стоицизма в своих рассуждениях предъявляли достаточно строгие требования к морали, хотя не отказывались в них от казуистики и схоластики, создавая тем самым парадоксальность многих положений. К тому же они выражали свои мысли в грубой и необработанной языковой форме. Итак, греческие стоики преимущественно занимались логическими исследованиями и решением натурфилософских вопросов, в то время как римские последователи

философии стоицизма в своих рассуждениях сосредотачивали внимание на частной морали, которая решает вопросы, касающиеся отдельных обязанностей в разных частных жизненных обстоятельствах. Невзоров утверждает, что мораль римских стоиков приобрела форму простого житейского наставления, в которой отражены благоразумные советы, выведенные из самонаблюдения и наблюдения за жизнью окружающих людей. Преподаватель заключает, что несмотря на многие верные положения их морали, они лишены не только твердых теоретических оснований и принципов, но и четкой внутренней связующей идеи.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на то, что в идейном плане философия стоицизма во многом наследует положения философских взглядов Сократа, Платона и Аристотеля, на уровне ораторской техники влияние риторических учений античных мастеров красноречия на особенности публичных выступлений стоиков не выявляется. Данную мысль подтверждает и утверждение Гаспарова в сопоставлении учения стоиков с учением Платона: «учение Платона выше учения стоиков главным образом потому, что Платон изложил свою метафизику с божественным красноречием, а стоики свою — небрежно, холодно и сухо» [11, 36]. Так, наличие определенной идеи и убеждение слушателя в её истинности, грамотная структура выступления и своего рода художественность речи оратора, на которых настаивали античные риторы, в выступлениях последователей стоицизма не отмечены. Однако, несмотря на неидеальную ораторскую технику стоиков, определенные положения их учения, действительно, созвучны христианской проповеди.

Теперь перейдем к анализу другой составляющей формирования формы церковного красноречия, выделенной Аверинцевым. Исследователь утверждает, что помимо позднеантичного морализма на формирование техники христианской проповеди оказала влияние «восточная — преимущественно иудаистская — манера «пропаганды» [1, 364]. Примером иудаистской проповеди могут служить ветхозаветные тексты, в которых

зафиксированы обращения праведников, пророков к людям с целью возвещения им воли Божией о спасении человечества. Однако, отметим, что истоки христианской проповеди можно увидеть не только во времена пророков, но и задолго до их проповеднической деятельности. Обращение к людям с целью сообщения воли Божьей о спасении человечества, начинается ещё во времена «одного из благочестивых патриархов допотопного мира – «седьмого по Адаме» Еноха» [21].

Рассмотрим подробнее особенности ораторского искусства ветхозаветных отцов Церкви и новозаветных христианских проповедников. Согласно утверждениям кандидата филологических наук Григория Владимировича Прутцкова, «риторика Ветхого Завета носит целиком религиозный характер» [44]. В первую очередь, ветхозаветными ораторами были пророки, возвещавшие современникам откровения, полученные ими от Бога. Исследователь истории журналистики отмечает, что преимущественно вступление речей пророков начиналось с фраз следующего типа: «И было слово Господне ко мне...», «Так говорит Господь». Однако у каждого пророка был выработан собственный стиль и индивидуальные риторические приемы.

Основными темами выступлений ветхозаветных ораторов было *обличение несправедливой власти и её предупреждение о Божием возмездии за греховную жизнь*. Кроме того, пророки говорили о том, что наличие искренней любви к ближнему и милосердного отношения к нему так же необходимо, как и соблюдение религиозных обрядов: без упражнения в первом теряет смысл исполнение предписания. Также одной из главных тем пророческих обращений было предсказывание прихода в мир Мессии.

Прутцков утверждает, что первым ветхозаветным пророком был Моисей, о котором идет повествование в книге Ветхого Завета Библии «Исход». Моисей, исполняя Божественное повеление, стал предводителем евреев в их странствиях по пустыне в течение сорока лет после бегства иудейского народа из египетского плена в надежде достичь Землю обетованную. Именно через Моисея Израиль (иудейский народ) узнает волю

Божью о нём, в том числе именно через него евреи получают скрижали завета с десятью заповедями.

Среди всех ветхозаветных пророков, помимо Моисея, Прутцков также выделяет пророков Исайю, Иеремию, Даниила и Иезекииля, книги которых, можно сказать, являются смысловым ядром высказывания блаженного Августина «Ветхий Завет раскрывается в Новом, Новый завет скрывается в Ветхом» [11, 36], так как в текстах вышеперечисленных пророков содержатся пророчества о пришествии Христа.

Риторика Ветхого Завета, согласно утверждению Прутцкова стала «эталоном» для многих проповедников Нового Завета. Отметим, что в текстах Нового Завета – в Евангелиях – содержатся многократные ссылки на речи ветхозаветных пророков, преимущественно в речах Иисуса Христа перед народом. Прутцков отмечает, что «ораторское искусство Нового Завета является важной и наименее изученной частью античного риторического наследия» [44, 46].

Факт принадлежности новозаветного красноречия к античной культуре подтверждается тем, что христианская проповедь зародилась в первом веке в Восточном Средиземноморье в составе Римской империи и впитала в себя черты ораторского искусства древнегреческих, древнеримских и древнееврейских ветхозаветных риториков. «Языческие ораторские школы, в первую очередь древнегреческие, были в целом светскими, из них выходили мастера торжественного, политического, судебного красноречия. Ветхозаветное красноречие оставалось по духу религиозным. На Самого Христа, как и на Его современников, естественно, наибольшее влияние оказала ветхозаветная традиция. Впрочем, апостолы в своих проповедях (например, апостол Павел) широко использовали и достижения языческих ораторских школ» [44, 47].

Началом христианского красноречия стала проповедь Иоанна Крестителя, которая одновременно является и хронологическим, смысловым окончанием ветхозаветной риторической традиции, и в то же время стоит у

истоков новозаветной проповеди. Главной целью ораторской деятельности Иоанна Крестителя была подготовка людей к восприятию проповеди Иисуса Христа. Главной же мыслью обращения Предтечи к людям было внушение людям того, что спасение достигается не родовой принадлежностью к Аврааму, а исключительно покаянием и делами милосердия. Содержание проповеди Иоанна Крестителя дополнялось его глубоко аскетичным образом жизни.

Однако зарождение формы христианской проповеди как таковой и её определения («христианская») в первую очередь связано с именем самого Иисуса Христа, который и является Сам, по словам П. Гнедича, содержанием христианской проповеди.

Спаситель начинает проповедническую деятельность после принятия Крещения от Иоанна в тридцать лет. Как отмечает Прутков, проповеди Иисуса Христа могут быть разделены на следующие категории: «рассчитанные на апостолов и ближайших учеников, произнесенные перед простым народом и обращенные к фарисеям и иудейской религиознополитической верхушке» [44, 48].

Главная мысль Его морального учения заключена в благовествовании наступления Царствия Божия, условием наследования которого является покаяние и любовь к Богу и ближнему. Речи Иисуса Христа записаны ближайшими учениками и собраны в четырех Евангелиях. Согласно замечанию митр. Илариона (Алфеева), большая часть евангельского текста представляет собой «прямую речь Спасителя: Его проповеди и притчи, наставления ученикам и споры с иудеями» [3]. Архиерей утверждает, что речь Христа была глубоко поэтичной, нередко носила афористичный характер, отличалась особой ритмикой и образностью. Для лучшего и образного понимания Своих речей Христос использует притчи, которые отличаются простотой и наглядностью. Согласно замечанию кандидата филологических наук Жолудя Р.В., «они оказали большое влияние на возникновение языка традиционной христианской публицистики – *простого, доступного для самой*

широкой аудитории и в то же время глубоко образного и многозначного» [17].

После окончания земного служения Христа христианская публицистика приобретает письменную форму в посланиях апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды, Павла. Отметим, что апостол Павел, следуя примеру Учителя, разговаривал с собеседниками, учитывая их интеллектуальный, социальный и религиозный уровень.

Таким образом, христианская проповедь в процессе своего формирования стала органичным продолжением проповеднической традиции ветхозаветных пророков, а точнее – является «воплощением содержания» пророческих текстов. В то же время зарождение христианского красноречия происходило под влиянием древнегреческой и древнеримской ораторской традиции. Несмотря на то, что Аверинцев отмечает, что одним из факторов влияния на формирование христианской проповеди являются Сенека и Эпиктет – представители стоицизма, отметим, что на наш взгляд, христианская проповедь испытала большее влияние таких мастеров красноречия, как Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон и Квинтилиан, риторические требования к выступлениям которых полноценно реализовались в последующей традиции христианского красноречия.

Далее рассмотрим, как развивалось церковное ораторское искусство в последующие века существования Христианства.

При описании дальнейшего развития церковного красноречия исследователи отмечают расхождения путей становления западной и восточной проповеднической традиции. В связи с чем, уже «с первых веков складываются два центра христианской публицистики: западный (Рим) и восточный (Византия)» [28, 7]. Исходя из чего закономерно будет рассмотреть в сопоставлении как продолжали «дело Христово» представители западного и восточного церковного красноречия.

Аверинцев отмечает, что на Западе основы проповеди закладываются Амвросием Медиоланским и блаженным Августином под сильным влиянием Цицерона. В учебном пособии по гомилетике архиепископа Феодосия

Бильченко среди основоположников теории церковной проповеди западного Христианства помимо блаженного Августина автор называет святителя Григория Двоеслова. Архиепископ отмечает, что в творениях названных представителей главное внимание уделялось содержанию проповедей, нравственным качествам и образу жизни пастыря-проповедника. Однако, по замечанию Бильченко, святоотеческое направление в проповеди на Западе вскоре было утрачено: церковная проповедь стала рассматриваться как вид ораторской речи, имеющий нравоучительную цель.

Формирование восточной проповеднической традиции складывалось с опорой на творения Василия Великого и Иоанна Златоуста, согласно утверждению Маркова. Бильченко также выделяет особую роль Оригена, который первым сказал, что «христианскому проповеднику, кроме вдохновения, необходим труд и предварительная подготовка как в деле церковного учительства вообще, так и в деле подготовки каждой отдельной проповеди в частности» [9]. Так, мы видим, что уже на первых этапах существования христианской проповеди в западной и восточной традициях намечается разное отношение церковных ораторов к цели и форме проповеднического текста.

Дальнейшее развитие гомилетических традиций западной и восточной церкви также разнится. Аверинцев отмечает, что на Западе в период Средневековья в западное церковное красноречие проникают «мотивы интимного самоуглубления». Однако, по замечанию Бильченко, в эпоху Средневековья европейские проповедники практически отождествляли гомилетику со светским ораторским искусством. Но благодаря выступлениям пастырей, отрицавших подобное отношение к проповедничеству, в эпоху Реформации в проповеди снова стали видеть «церковную речь, имеющую особый дух, характер и содержание» [9].

В XVII веке у католиков-иезуитов возникает литературно утонченная проповедь, использовавшая стилистику барокко. Остановимся на определении барочной проповеди более подробно, так как данный вид

церковного красноречия непосредственно связан с предметом нашего исследования. Кандидат исторических наук Крылов А.О. объясняет сущность барочной проповеди так: «барочные художники неизменно ставили перед собой задачу воспитания зрителя и внушения ему определённых идей. ... В проповеди, как в жанре изначально дидактическом, был до предела заострен этот риторический акцент барочного искусства. В наибольшей степени потенциал барочной проповеди в Восточной Европе было суждено раскрыть иезуиту Фоме Млодзяновскому – основоположнику особого стиля проповеди – *восточноевропейского барокко*. В России – митрополиту Димитрию Ростовскому» [24, 110]. Особенностью проповедей Фомы Млодзяновского стало то, что он первым стал с кафедры говорить о высоких предметах разговорным языком, обильно уснащённым шутками, с целью приблизить фигуры Ветхого и Нового Завета к подлинной жизни паствы. Такое сочетание аллегорий и реалистических подробностей хорошо вписывалось в свойственное поэтике барокко стремление к сочетанию противоположностей, поэтому барочные авторы широко использовали «реализм повседневности» в своих творениях: «Возвышенное событие сближалось с повседневной реальностью, от чего не теряло своего сокровенного смысла, но становилось более доступным» [24, 101]. Позднее под влиянием философии рационализма церковное красноречие снова лишилось своего духовного содержания и стало способом изложения какой-либо философской теории.

Так, в западной проповеднической традиции попытки выделить церковное красноречие в отдельную область богословского знания периодически сменялись упрощением смысла проповеди и сведением её до одного из жанров риторики.

На Востоке развитие церковного красноречия шло в тесном сопровождении с многоуровневой системой богословского образования. Отношение же к риторике в рамках восточной проповеднической традиции было полностью противоположным западному: ораторское искусство в ней

использовалось для нужд Богословия и позволяла грамотно построить проповедь, сохраняя её глубоко духовное содержание.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на разное отношение Восточной и Западной Церкви к делу проповеди, точки взаимовлияния восточной и западной традиции явно прослеживаются в истории формирования гомилетического учения в разных христианских ответвлениях. Далее обратимся к выделению особенности и установлению традиций проповедничества в трудах церковных ораторов русской православной церкви.

1.2. Жанр проповеди: истоки, формирование, канон

Русская проповедь формируется в традициях христианского Востока. В древнерусском государстве выделялись два вида пастырского слова: проповедь учительная («дидактическое красноречие» или «поучение», «беседа») и торжественная проповедь («эпидейктическое красноречие» или «слово»). Целью дидактического красноречия было практическое назидание, в то время как эпидейктическое красноречие решало широкие общественно-политические и религиозные проблемы, в связи с чем *обладало строгой художественной формой, включающей определенную композицию, стилистику, ритмику, язык и систему образов.* В русском церковном красноречии XVIII-XIX в. осуществляется синтез допетровских традиций с *техникой барочной проповеди.*

Необходимой частью богослужения проповедь становится во времена во второй половине XVIII века. Тогда священнослужители были обязаны произносить слова назидания для прихожан и в кафедральных соборах, и в монастырях, и в приходских церквях. Для практического осуществления этого требования улучшается качество высшего и среднего Духовного образования, что благотворно влияет на развитие русской проповеди в целом. В том числе, в 1775 году под руководством Синода издается «Сборник поучений различных

авторов на весь год» для священнослужителей, не получивших достаточного образования.

Церковное красноречие в этот период приобретает нравственно-практический характер, формирование которого непосредственно связано с проникновением в Россию многообразных западных учений «отрицавших всякую веру и провозглашавших нравственную распущенность». Подобное положение требовало увеличения нравственно-практических элементов в проповеди, в связи с чем она стала облекаться в более *простую и безыскусную форму*. Проповедники в своих выступлениях стремились доказать губительные последствия нарастания в обществе утраты веры в Бога и раскрыть какую важную роль вера играет в частной и общественной жизни. «Отвечая на ходячие воззрения о морали и социальных отношениях, проповедь 2-ой половины XVIII века ставит своей задачей уяснить идеал нравственности человека, подорвать ложные основы эгоизма, который просвечивался в мнимо гуманных цивилизаторских устремлениях светских законодателей общественного мнения, и построить прочную, твердо обоснованную систему социальных и гражданских отношений, пробудить ревность к самопожертвованию и бескорыстному служению целям общества и государства».

Видные проповедники эпохи правления (св. Тихон, епископ Воронежский; митрополит Московский Платон Левшин, киевский протоиерей Иоанн Леванда и др.) стремились насытить тексты своих обращений к пастве *понятными современному человеку образами и понятиями*. Так, излагая правила христианской нравственности Тихон Воронежский старается быть наиболее понятным, прибегая к *образам и сравнениям, заимствованным из общественной жизни*, спускаясь в сферу деятельности слушателей и указывая виновность и пути исправления для каждого, исходя из его звания и состояния. В проповедях протоирея И. Леванды *сочетаются возвышенные выражения и образы с низкими*, которые излагались звучным неровным тоном голоса. Кроме того, протоирей был убежден, что проповедник должен быть высоко

образованным человеком и знать «не меньше, а больше своего слушателя», именно поэтому Леванда наглядно излагал христианскую истину посредством использования *наиболее доступной для паствы формы изложения*. Митрополит Платон Левшин также является сторонником доступной формы проповеди, считая, «витиеватый и испещренный слог», «суетное и напыщенное красноречие» неподобающим для церковной кафедры, так как «проповедник должен беседовать с людьми различного состояния и понятия, а потому необходимость требует, дабы духовная беседа была всякому удобопонятна».

Таким образом, представители нравственно-практического направления усердно боролись за искоренение неверия в России, однако отметим, что их проповедь смогла дать плоды в тех местах, где западные философские веяния не были сознательно усвоены.

Начало нового века, в который вступило общество, воспитанное на идеях европейского рационализма, требовало просветительских преобразований и в церковном красноречии. Теперь проповедникам было недостаточно наставлений в форме изложения «нравственного христианского учения и указания на его превосходство над естественной нравственностью». Проповедь должна была не только воздействовать на сердце и умилять его, но и убеждать ум, требующий понимания сущности предмета разговора пастыря. Так, на смену дидактическому красноречию приходит богословская проповедь, «где степень усвоения христианского учения становится зависимой от интеллектуальных способностей реципиента проповеднического слова» [2, 14]. Теперь возникала необходимость логического разоблачения несостоятельности философского отрицания веры, утверждавшегося в светском обществе. Талантливо с этой задачей справлялись такие проповедники как митр. Филарет Дроздов, архиеп. Иннокентий Борисов, протоир. Родион Путятин, еп. Феофан Затворник и свят. Игнатий Брянчанинов.

В творчестве Филарета Дроздова созрела уникальность и самобытность русской проповеди, окончательно освободившейся от схоластики и иностранного влияния. Церковное красноречие митрополита Филарета, изнутри одухотворившее работу ума и «восстановившее разум в правах» в сфере богословия, выражалось в форме так называемых «созерцаний», «рассуждений» и «исследований». Так в проповедях Филарета Дроздова «глубина веры и смирения питала высоту и пронизательность мысли. Сила мысли давала вере разумные, логические ясные и совершенные формы внешнего выражения». Творения же Иннокентия Барсова способствовали возрастанию любви к церковной проповеди и укреплению её влияния в просвещённом обществе XIX века. Церковное красноречие архиепископа Иннокентия было наполнено живыми, смелыми образами и их сопоставлениями, яркость и реальность которых благоприятно действовали на восприятие слушателей, способствуя лучшему усвоению истин христианской веры.

В проповедях св. Игнатия Брянчанинова выразительно и точно нашел отражение духовно-аскетический опыт отцов Церкви, который выражен выразительно, ярко, образно и доступно. Творения Игнатия Брянчанинова, согласно утверждения кандидата филологических наук Титковой Н.Е., «строго соответствуют риторическому канону и в то же время отличаются неповторимым изяществом авторского «почерка», имеют ярко выраженные стилевые особенности [51, 59]. В обращениях св. Игнатия к пастве содержатся богословские дефиниции и тезисы, выраженные в отточенной и совершенной литературной форме. Наследие св. Феофана Затворника «в простой и понятной форме доносят истины христианства для читателей: они полны образов, аналогий и примеров из повседневной жизни, понятной слушающим и читающим» [15]. Для наглядности духовных законов жизни проповедник часто обращается и к результатам естественно-научных открытий своего времени.

Во второй половине XIX века православная проповедь становится не только «оружием» для борьбы с философскими атеистическими идеями, но и одним из главных средств воспитания и просвещения народа после отмены крепостного права. Осуществление государственной реформы требовало от сельских священнослужителей не только научения простых людей истинам христианской веры, но и освещения политики государства. Подобное отношение к проповеди для простых людей было «не типичным явлением для Православной российской церкви» [33, 149], так как слово научения в дореформенную эпоху чаще всего произносилось в городах церковными иерархами по большим праздникам. Простому же народу пастыри в лучшем случае читали святоотеческие сочинения, а в худшем – вовсе не проповедовали, что становилось причиной незнания крестьянами основ христианской веры. Именно поэтому состояние проповедничества конца XIX – начала XX веков с одной стороны исследователями оценивается как «критическое»: проповедь произносится редко, её низкое качество и бездейственность. С другой же стороны, некоторые исследователи утверждают, что в этот период церковное красноречие начинает возрождаться: пастырское назидание произносится не только в городах архиереями, но и в селах простыми священниками, которые обращаются к прихожанам с собственным словом. Расцвет церковного красноречия в этот период связывается именно с началом активного проповедничества сельских иереев, однако остаются и те священники, которые не обращаются с словом назидания к пастве.

Таким образом, в период смены эпох возрастает осознание необходимости проповедничества во всех слоях общества, главным образом оно мыслится неотъемлемой частью служения сельских пастырей, которые обязаны учительствовать и наставлять простой народ в истинах православной веры. Содержание же проповедей в это непростое время, когда росло количество сект, антирелигиозных кружков, подкреплявшихся увеличением распущенности, пьянства и безверия в российском обществе, было направлено

на обличение общественных пороков и пробуждение в душах людей покаянного чувства. Кроме того, в обращениях пастырей к прихожанам появляются темы – «новации», к которым Ольга Никифорова в статье «Живая проповедь» относит «семейные отношения, этические и бытовые проблемы в условиях освобождения крестьянства от крепостной зависимости» [37].

Проповедь в этот период приобретает нравоучительный, экзегетический и апологический характер, призывает прихожан сторониться объединений и людей, которые настроены против царя и Православной Церкви. В то же время церковное красноречие активно реагирует на события, происходящие во внешнеполитической среде (в частности на Русско-Японскую войну). Одновременно посредством проповеди священнослужители пытались умиротворить возмущения и волнения среди народа, направленное против царской власти. И некоторое время проповедникам удавалось справляться с этой задачей, однако предотвратить февральскую и октябрьскую революции 1917 года пастыри всё-таки были не в силах.

Среди талантливых проповедников конца XIX – начала XX века можно выделить прот. Иоанна Восторгова, прот. Валентина Амфитеатрова, прот. Иоанна Сергиева (Кронштадского) и митр. Макария Парвицкого (Невского). Протоиерей Валентин Амфитеатров в своих проповедях был искренен, краток и прост, в качестве иллюстраций он часто использовал библейские примеры, жития святых и картины из повседневной жизни. Проповеди прот. Иоанна Восторгова, по замечанию А. Решетниковой, отличались «убедительностью, сердечной теплотой, простотой и безыскусственностью» [45, 31], в обращениях преобладало стремление доказать, что в Российском обществе государственная и национальная идеи должны идти бок о бок с Православным вероисповеданием. Митрополит Макарий Невский в проповедях часто выступал против проведения властями увеселительных мероприятий во время поста, вольного поведения и революционных настроений в обществе. Кроме того, архиерей во время обращения к прихожанам отстаивал неприкосновенность церковного учения и объяснял мирянам те или иные

эпизоды Священного Писания, последовательность и смысл богослужений. И, наконец, проповеди и обращения к людям в форме письменного текста протоиерея Иоанна Сергиева отличаются, как отмечает Наталия Сухова, ссылками на литургические тексты, опорой на собственный опыт (изложение этого опыта нередко носит исповедальный характер), частые обращения к «Шестодневу» с целью привлечения внимания паствы на создание Творцом видимого мира и пробуждения в людях интереса к познанию этого Богосотворенного мира [49]. Содержание же проповедей св. прав. Иоанна Кронштадского, согласно утверждению Сергиенко Д.В., «было проникнуто необходимостью держаться веры святых Отцов, имеющей своим основанием учение Самого Христа» [47, 40].

Дальнейший путь развития церковного красноречия был непростым, так как после октябрьской революции 1917 года и, в особенности, после установления в стране советской власти в 1922 году политика Советского государства была направлена на борьбу с инакомыслием, к которому власти относили и деятельность Православной Церкви – правительство начало антирелигиозную пропаганду. Однако, несмотря на ужесточение внешних условий для деятельности церковных пастырей и, более того, появление прямой угрозы для их жизни в связи с этой деятельностью, духовенство Православной Церкви осознает критическую необходимость проповеди в этих опасных условиях. Именно поэтому в 1917-1918 годах Поместным собором проповедь признается «одной из главнейших обязанностей пастырского служения» [65]. Теперь рассмотрим особенности выступлений нескольких талантливых проповедников этого времени. Среди них можно выделить архиеп. Ермогена Голубева, еп. Макария Опочкого, о.Анатолия Жураковского, о.Сергея Мечёва, архим. Сергия Савельева, архиеп. Луку Войно-Ясенецкого, архим. Серафима (Суторихина) и о. Павла Адельгейма.

Архиепископ Ермоген Голубев словами проповеди вел борьбу с антирелигиозной агитацией, проводимой государством в конце пятидесятых годов XX века и с целью повышения качества этой борьбы он обращался к

пастве каждый раз при совершении богослужений и призыва к этому и других священников. Используя в своих обращениях к прихожанам оригинальные аналогии, образность, метафоры и аллюзии, насыщая тексты эмоциями, пафосом и «духом религиозной одухотворенности», архиепископ Ермоген затрагивал в проповедях такие темы как «патриотизм, и защиту Отечества, исторические события, церковные праздники, суеверия и роль женщин в христианской миссии» [68]. Среди особенностей пастырского слова епископа Макария Опочкого Анна Дмитриева в беседе «Стола» выделяет «четыре вещи»: «он учил христиан жить в церкви вместе», настаивал на том, чтобы вера была просвещённой и мотивировал людей разного уровня образования «думать на самые сложные богословские темы», учил христиан свидетельствовать о вере в разных условиях жизни и показывал эту способность «жить полной жизнью, с избытком» собственным примером в тех обстоятельствах, в которых необходимо было «выживать» [12].

Следующий талантливый проповедник этого тяжелого периода существования Русской Православной Церкви – отец Анатолий Жураковский – отличался своим желанием распространения «света истины не только на ближних, но и на дальних (отпавших от веры современников)», в связи с чем в его проповедях нередко содержались обращения к людям, ушедшим из Церкви, среди которых были не только трусливая толпа, но и честные люди «с обостренной совестью» [43]. Кроме того, он настаивал на разрушении в сердце каждого христианина «перегородок, отделяющих Церковь и Её мир от жизни и праздники от будней, служение Богу от обычного делания» [43], т.е. на том, что деятельная вера должна быть важной частью повседневности христиан. Анатолий Жураковский в своих проповедях часто говорил об определённой ответственности мирян за тяжелые годы гонений, он видел долю виновности христиан в отсутствии в них ревностной веры. Источник бед не в советской власти, а в самой церкви обнаруживал и другой талантливый проповедник этой эпохи – архимандрит Сергей Савельев. Архиерей «скорбел о том, что церковь наша не узнала времени посещения своего (Лк.19: 44), не принесла

покаяния» [35]. Сергей Савельев в проповедях поднимал проблемы обмерщания церкви, лжехристианства, возрождения соборности, пастырства и создания общин.

Отец Сергей Мечев при подготовки своих обращений к пастве часто опирался на духовное наследие святых отцов Церкви, представляя в проповедях о молитве «новый патристический синтез» [48] – современное прочтение русским священником греческой патристики («Лествицы» Иоанна Лествичника). Кроме того, Сергей Мечёв считал, что обращение к святоотеческой литературе необходимо при чтении Библии, так как Священное Писание нужно читать делами ... понимать умом и запоминать» [48].

Говорить о Христе не только словами, но и делами получалось у врача-хирурга и учёного архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. Его обращения к прихожанам отличались краткостью, содержательностью, отсутствием «общих благочестивых фраз» [32] и доступностью содержания для слушателя любого уровня образования. Темами проповедей были толкование апостольских и евангельских чтений (которые архиепископ связывал с современностью), смыслы праздников, защита веры в эпоху безбожия и философские размышления о связи науки и религии, о суетности человеческой славы. В повсеместной постоянной проповеди Лука Войно-Ясенецкий видел свою «главную архиерейскую обязанность», именно поэтому он проповедовал и после воскресных, праздничных богослужений, и после всех будничных служб [32].

Архимандрит Серафими Суторихин также был эрудированным и искренним проповедником, который часто цитировал наизусть тексты Евангелия, акафистов и канонов; призывал прихожан и своих духовных чад в своих выступлениях «чаще в жизни радоваться, жить проще и смиряться» [31, 131]. По воспоминаниям членов прихода проповеди архимандрита Серафима были «вдохновенными и наполненными внутренним горением» [34]. Большим значением обладало общение с архим. Серафимом, согласно указанию

Анастасии Наконечной, для следующего талантливому проповеднику эпохи советской власти и современной России – протоиерея Павла Адельгейма [34]. Профессор-протоиерей Константин Костромин утверждает, что «глубокая образованность, аналитический ум, литературная одаренность и умение донести живое слово сделали его (о. Павла Адельгейма) выдающимся проповедником своего времени» [19]. Подобно архиеп. Луке Войно-Ясенецкому о. Павел Адельгейм считал «проповедь о Христе Воскресшем и живом» главной задачей своего пастырского служения [69]. Как отмечает Шаронов, выступления о. Павла были предельно сосредоточенными, серьезными, красной же нитью сквозь его проповеди проходило «указание на неразрывную связь небесного и земного, их смысловую целостность: «Ищите горнего!» [69], которое подтверждала жизнь самого священнослужителя, превратившаяся в практическое продолжение его словесных обращений к пастве (создание общин, строительство храмов, приютов, общение с многотысячной интернет-аудиторией). Кроме того, этот проповедник, по замечанию Рощени, «сочетал в себе мягкость и бесстрашие», был укреплен Богом в заповеди любви и умел отстаивать свое слово [46].

Так, талантливые проповедники, используя разные подходы и свои индивидуальные личностные качества, пытались словом призвать людей к объединению (о чем свидетельствует стремление большинства из рассмотренных церковных деятелей к созданию сплоченного приходского коллектива – общин), определить долю ответственности каждого члена Церкви Христовой за наступление времен гонений, вести борьбу с антирелигиозной политикой властей и достучаться до людей разного уровня образования.

Таким образом, в период советской власти церковное красноречие в нашей стране, несмотря на государственную антирелигиозную пропаганду (запрет на посещение церквей, их разрушение и репрессии по отношению к священнослужителям), стал временем возрождения (или даже рождения) «самобытной» русской православной проповеди, требования к форме и

содержанию которой, выдвинутые на Поместной Соборе 1917-1918 гг., актуальны и необходимы к исполнению проповедниками сегодня для достижения положительных изменений в церковной истории XXI столетия, согласно решению участников круглого стола «Миссионерское богослужение», проведенного Синодальным миссионерским отделом и Свято-Филаретовским институтом в 2017 году [4].

На первое место в решение Поместного Собора 1917-1918 гг., как утверждает Крошкина, «выступает требование «общепонятности», в связи с чем проповедовать разрешается на местных языках (в том числе и на диалектах). Вместе с «общепонятностью» необходимо, чтобы построение пастырского слова происходило «на библейских и святоотеческих основах» [23]. Так рождается особенность современного языка проповеди, которая с одной стороны должна иметь «церковно-библейский дух», а с другой – быть популярной и ориентироваться на большинство прихожан. Комментарии современных специалистов в области гомилетики, проповедничества раскрывают способы достижения требований, выдвинутых Поместным Собором 1917-1918 гг., в условиях современного мира. Так, ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков настаивает на том, что проповедь должна не только снова стать центральной частью богослужения, но и быть разной в зависимости от адресата (прихожане, оглашенные или неверующие). Протоиерей Сергей Стаценко добавляет, что сегодня проповедь «должна содержать призыв к проповеди», так как нести Слово Божие обязаны все люди, являющиеся частью Церкви Христовой. Проблему выбора стиля проповеди, а точнее необходимость отказаться от «высокого» стиля объективно растолковывает русский религиозный мыслитель Федотов Г.П., на слова которого ссылается Крошкина в статье. Федотов настаивает на том, что проповедь «облекается в культурный стиль эпохи», т.е. её язык [23]. «И мы призваны действовать в среде новых язычников, в среде новых культурных дикарей. Первое, что мы должны усвоить себе, это их язык. Язык научных понятий, их художественных

символов, общественных и правовых ценностей» [66]. С подобным усвоением успешно справляются современные пастыри, каждый из которых, обращаясь к прихожанам, апеллирует не только традиционными церковными образами, символами и понятиями, но и обращается к примерам из различных сфер жизни, так или иначе связанных с прошлым или параллельным (внецерковным) родом деятельности священнослужителей (среди представителей современного духовенства можно встретить квалифицированных филологов, физиков, государственных служащих, психологов, актеров, врачей и военнослужащих).

Представители современного духовенства в преобладающем большинстве проповедают Евангелие высоким стилем (созданию которого способствует использование библеизмов, церковной лексики, церковно-славянизмов и определённый слог обращений), однако каждый из них включает в выступления такие сравнения и образы нынешнего мира, которые разрушают огромную дистанцию (более чем в две тысячи лет) между XXI веком и Проповедью Иисуса Христа и делают Евангельские истины доступными не только для понимания, но и для исполнения. Кроме того, сегодня проповедь звучит не только в храмах, но и на различных каналах Интернет-площадок, в стенах высших учебных заведений, на различных праздничных мероприятиях и, конечно, учитывая внешнеполитическую обстановку (проведение Специальной военной операции Российской Федерацией с 2022 года) на объектах военной инфраструктуры: в госпиталях, в военных училищах и академиях, на поле боя, на концертах для мобилизованных солдат и др. То есть можно говорить о том, что в современном мире проповедь звучит повсеместно.

Однако, главными составляющими пастырского обращения являются слова. Федотов отмечает, что в потоке современного литературного языка проповеднику требуется «подлинное искусство», которое будет способствовать гармоничному включению церковно-славянских слов, аскетических и догматических понятий в контекст проповеди [66]. На наш

взгляд, примером современного церковного оратора, который владеет подобным «подлинным искусством» органичного сочетания церковной и актуальной лексики, используемой обществом XXI века, является протоиерей Андрей Ткачев. Речь о риторических особенностях проповедей которого и пойдет далее (в том числе и о следовании миссионера гомилетическим традициям и об определённых новациях в его текстах).

Выводы по главе 1

Таким образом, резюмируя результаты исследования, представленные в первой главе, можно заключить, что христианская проповедь (в частности православная) представляет собой вид ораторского искусства, целью которого является поиск «способов убеждения» и подтверждения относительно Евангельских истин, в первую очередь, об Иисусе Христе и его учении, являющимся условием спасения человечества от власти греха и смерти. Формирование христианского красноречия неразрывно связано с античной риторикой, влияние которой, в первую очередь, отражается на риторических особенностях проповеди и выдвиганию определённых требований к её форме. История развития церковного красноречия, проходившего параллельно под влиянием двух главных христианских центров – католического (Рим) и православного (Византия), не раз ставило вопрос и взаимоотношениях между риторикой и гомилетикой, в связи с чем христианское ораторское искусство в итоге осознается Церковью как отдельная от риторики наука. Русская православная проповедь рождается и развивается в русле византийской традиции и вводится на постоянной основе в порядок богослужения в конце XVIII века. Господство в XIX веке в светском обществе атеистических и материалистических ценностей подталкивало священнослужителей к поиску новых способов убеждения и аргументов (в том числе и научных) в противовес западной философии. Кроме этого, позднее проповедники обязаны были придавать текстам своих пастырских обращений

образовательный характер, чтобы способствовать просвещению простого народа. В XX веке проповедь объявляется одной из главных обязанностей священнослужителей и теперь её язык призван быть доступным «современным язычникам», содержать слова и аргументы актуальные для жизни советского общества. На современном этапе развития главной особенностью церковного красноречия также является ясность. Кроме того, сегодня заметна тенденция к увеличению количества и возможных пространств к произнесению проповеди.

ГЛАВА 2. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРОПОВЕДЯХ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ ТКАЧЁВА

2.1. Проповедь в современной практике Церкви

Исходя из результатов исследования, предпринятого нами в первой главе, отметим, что главным жанром церковного красноречия с первых веков христианства является проповедь. На предыдущем этапе исследования мы рассмотрели генезис христианской проповеди и историю формирования современной традиции проповедничества деятелей Русской Православной Церкви. Теперь же определимся с её практическим назначением и выявим вызовы современности, с которыми призваны работать церковные ораторы.

Согласно утверждению Н.И. Барсова, целью и сущностью проповеди во все века «является научение (теоретическое) и наставление (практическое) слушателей в истинах веры, что принято называть одним словом «назидание» [7]. Проповедь, как было нами сказано ранее, можно рассматривать не только как жанр церковного красноречия, но и – в более широком понимании – как жанр риторики, о чем и свидетельствуют возникающие время от времени в истории Христианства попытки церковных и светских деятелей отождествления и, наоборот, разведения гомилетики и ораторского искусства.

Важно отметить, что как жанр церковного красноречия искусство проповеди имеет ряд особенностей, отличающих ее от речи светского оратора. Архиепископ Феодосий Бильченко в руководстве по гомилетике указывает, что «особенность языка церковной проповеди обусловлена не столько внешними причинами, сколько существенными отличиями церковного учительства. ... язык изложения – это не то, что налагается на содержание извне, а нечто вырастающее изнутри самого содержания, следовательно, с ним однородное; мысль производит словесную форму из себя самой» [9]. Главной же особенностью языка церковного красноречия является включение в проповедь библеизмов, то есть слов, выражений, образов Священного

Писания, а также, в целом, подражание стилю библейских текстов. Однако, согласно замечанию Бильченко, использование библейского материала должно быть всегда оправдано и уместно. Границы его употребления определяются церковностью и степенью подготовленности слушателей». Наилучшее использование библеизмов, как указывают специалисты по церковному красноречию, это когда они «органично сливаются с современным языком, сохраняя, однако, одно из главных свойств проповеди – её ясность» [9]. О необходимости органичного сочетания церковной лексики и современного языка, а точнее владения языком эпохи, включающим различные актуальные для светского общества понятия и ценности, говорил и религиозный мыслитель Федотов, к словам которого мы обращались в предыдущей главе [66]. Кроме этого, пример ясной проповеди, в которой использованы и библеизмы, и понятные для простого человека образы, первым продемонстрировал Сам Иисус Христос в своих обращениях к людям в притчевой форме.

Однако, в практике церкви можно проследить две противоположные тенденции. Первая представляет собой обращение священника к пастве, представленное в форме высокого библейского стиля. Подобный подход к выражению мыслей проповедника предполагает, что прихожане духовным усилием постепенно сами «дотянутся» до смысла. Вторая тенденция предполагает, наоборот, стилистическое упрощение текста проповеди за счет использования слов из бытового словаря современного человека, в результате которого происходит замена священных текстов доводами человеческого разума. Очевидно, что ни первый вариант, ни второй не являются примерами органичного слияния библеизмов и современного языка, а скорее являются иллюстрацией «крайностей» злоупотребления одной или другой гранью.

Тем не менее, вопрос о форме проповеди, её стиле и манере произнесения в условиях современного мира активно обсуждается миссионерами и другими церковными деятелями, которые в беседах стремятся найти не только возможности количественного увеличения звучащих

проповедей, но и способы качественного улучшения содержания текстов церковного красноречия и, как следствие, достижение их ясности для слушателей.

В докладе кандидата богословия Георгия Кочеткова, озвученном в 2006 году на конференции «Миссия Русской православной церкви», мы обнаруживаем призыв священнослужителя к пастырям доступно излагать содержание проповеднических текстов. Кочетков настаивает на том, что «важно говорить человеку лишь то, что он уже может понять и воспринять, дерзновенно и смело базируясь на нашей вере (всматриваться) в человека как живую икону Бога, как в живой образ Божий и Его подобие. ... в миссии нужно шире использовать «принцип дополнительности», т.е. восполнения миссионером уже имеющегося человеческого опыта тем опытом, который дан через божественное Откровение только христианству, церкви и личности во Христе» [20]. Так, можно заключить, что современный проповедник, подобно оратору, должен учитывать особенности той или иной аудитории, которой он намерен нести Слово Божие.

О необходимости владения проповедником не только представлением о предполагаемой публике, но и другими основами ораторского искусства говорит и Барсов в очерке «О возможных улучшениях в современной нашей церковной проповеди.». Он констатирует тот факт, что большинство пастырей, приступая к служению, не владеют даже представлениями об ораторском искусстве и правилах декламации, и видит возможные действенные пути решения этой проблемной ситуации в намеренном обучении семинаристов «произношению ораторскому и декламации», которому, по мнению Барсова, стоит уделять даже большее внимание, чем теоретическому курсу гомилетики [8]. Риторический аспект обучения, по мнению Барсова, должен включать практическую выработку навыка качественного выразительного чтения и произношения; заучивание наизусть стихотворений, проповедей и посещение будущими священниками драматических театров – также с целью усвоения правил декламации. Кроме

того, он заключает, что помимо искусного произнесения проповедей, самым важным всё-таки является их содержание, которое должно быть грамотно построено, а «сила, глубина и острота мысли проповедника, правильное построение и строго-логическая последовательность мыслей в проповеди находятся в прямой зависимости от уровня интеллектуального развития проповедника; ясность речи и другие её стилистические свойства происходят от ясности мысли и образования литературного вообще» [8]. Такие выводы делает Барсов, опираясь на состояние проповедничества в современной ему России конца XIX века. На наш взгляд, сегодня, в мире XXI века утверждения профессора остаются актуальными.

Однако современному проповеднику очень важно не только осведомление в области ценного исторического опыта церковного красноречия, но и реальное знание особенностей той эпохи, в котором существует его паства - особенностей того времени, в котором он поставлен возвещать людям радость о Христе Воскресшем. Иеромонах Дамаскин (Кристенсен), пытаясь ответить на вопрос об успешной проповеди Евангелия современному обществу, выделяет три условия, способствующие благоприятному разговору о Христе с современным человеком: «Во-первых, должно изучать Евангелие Христа. Во-вторых, должно жить по Евангелию. И в-третьих, необходимо иметь представление о современном мире, чтобы знать, чему придется противостоять» [22].

Иеромонах Дамаскин настаивает, что «без знания и понимания, чем живет современное общество», сегодня (как и в любую эпоху) нельзя проповедовать Евангелие [22]. Кристенсен проводит развернутый анализ общества XXI века и заключает, ссылаясь на слова отца Серафима (Роуза), что «нынешнее поколение может быть названо «поколением «мне»» - «обществом самопоклонения», в котором Христос представляется как «некий гуру, который будто бы проповедовал, что каждый человек – бог, но не бог по благодати в православном понимании, но бог по природе в «новом веке» в гностическом понимании». То есть современный человек, отказавшись от

христианской веры, заменяет абсолютную истину на свое «я», начиная «жить только для этого мира, жить для сегодня» и, следовательно, главной целью его существования становится удовлетворение своих потребностей» [Там же].

Так или иначе, сегодня проповедники призваны говорить о Евангелии именно в таком обществе, в котором каждый «служит» себе, в большинстве своем не верит никому и не приучен к искреннему общению. С этими вводными современные священнослужители активно работают и стремятся найти такие слова и способы их донесения до людей, которые смогли бы помочь человеку поверить в Бога и довериться Его Воле. Кочетков в том же докладе, к которому мы обращались выше, отмечает, что, «думая о миссионерстве в современных условиях, особенно в современных мегаполисах, таких как Москва, миссионеру приходится каждый раз заново решать внутренние, экзистенциальные вопросы, касающиеся того, что именно сейчас для ищущих людей важнее, горячее, что может лучше связать современного человека – с его радостями и горестями, нуждами и заботами – с христианским духовным опытом» [20]. Так, мы возвращаемся к утверждению Федотова о необходимости современного проповедничества говорить, используя «культурный стиль эпохи» [66].

Представители современного духовенства, каждый используя свои таланты, пытаются обращаться к людям, которые пока находятся за стенами храмов, используя понятный им, повседневный язык, включающий и современную символику, ценности, факты культуры, включая и современные формы транслирования культуры (СМИ, телевидение, различные Интернет-площадки, видео-платформы). Однако несмотря на то, что в Русской православной церкви сегодня много достойных проповедников, далеко не всех их можно назвать талантливыми ораторами.

Но стоит ли вообще священнослужителю стремиться к званию «мастера риторики» в современном мире? Есть ли в этом объективная необходимость в деле распространения Евангелия и евангельских ценностей? Должен ли священнослужитель делать свои обращения к пастве произведением

ораторского искусства или для храмового прихода достаточно обычной незамысловатой, непродолжительной, но ясной проповеди? Входит ли это стремление в задачи гомилетики?

Пытаясь ответить на поставленные вопросы, на наш взгляд будет целесообразно обратиться к словам протоиерея Андрея Ткачева, который является примером талантливого современного церковного оратора. В публицистическом произведении «Проповедь о проповеди» протоиерей Андрей Ткачев, оценивая состояние современного проповедничества, заключает, что сегодня гомилетика в нашей стране «существует по остаточному принципу, как культура в Советском Союзе (Кое-что есть? – Этого хватит)», и сопоставляет служение многих современных священников, которые «сомневаются в своих (миссионерских) возможностях» и «открывают рот только для возгласов и объявления служб на следующую седмицу», с вынужденной манерой служения «отца Иоанна Предтечи после зачатия сына», совершавшим богослужения «молча» [59, 77].

Напомним, что Захария, узнав в алтаре за богослужением от архангела Гавриила о том, что уже в преклонном возрасте они с Елизаветой станут родителями, и не поверив в это, стал немым вплоть до рождения Иоанна Предтечи. Однако современные проповедники молчат не вынужденно, а потому что бояться осуждения коллег, зависти, замечаний со стороны начальства, не уверены в своих ораторских способностях. Протоиерей Андрей Ткачев выступает против такого положения дел, так как в наше «говорливое время», когда «реклама проповедует, сатирики и комики говорят без отдыха (все упорно тренируются, надо сказать), политики «толкают» спичи, кино и музыка тоже занимаются своеобразной проповедью», представителям церкви тоже не подобает молчать. Пастырям нельзя молчать, потому что, согласно утверждению Ткачева, говорение – это и «творчество», и «Таинство», и, что главное, «предоставление возможности Богу действовать здесь и сейчас», так как «в нравственном мире Бог меняет людей посредством слова», [Там же].

Созидающую функцию «сказанного слова» священнослужитель иллюстрирует примерами из Священного Писания: «Павлу неоднократно являлся Господь Иисус и велел не бояться и не умолкать. Петр и Иоанн, после битвы по слову архиерея, отказались молчать о Воскресшем Христе. Исаяя велел не умолкать всем, говорящим о Господе. Иезекииль по слову Божию даже сухим костям проповедовал, и это слово не было без плода. Иеремия хотел было, но не смог сдержаться и давал выход словам, горевшим в груди его, как огонь в хворосте. Всюду делу сопутствовало слово, дело рождалось словом и слово меняло жизнь» [59, 78].

Ткачев убежден, что священнослужитель первым должен быть обеспокоен просвещением доверенной ему паствы. Ему следует прививать любовь мирян к Слову Божию, путем создания различных групп общения единомышленников, изучения Священного Писания, любителей Слова и пр., так как «оплачивать (свое) «тихое и безмолвное житие» невежеством паствы» ему запрещено [59, 79]. Также автор заявляет и о необходимости общения представителей духовенства между собой. Он настаивает на том, что священникам, подобно врачам и педагогам, необходимы собрания для обмена опытом успешного или безрезультатного обсуждения тех или иных тем на приходах – такие встречи могут стать ещё одним источником вдохновения для проповедников. Наконец, что является главным в наших попытках ответить на поставленные выше вопросы, протоиерей Андрей говорит о таких важных помощниках проповедников как хорошая память и ораторское искусство.

О взаимосвязи риторики и церковного красноречия в современном мире свидетельствуют и исследования, направленные на выявление характера отношений упомянутых дисциплин. Так, кандидат филологических наук Э. О. Гаврикова рассматривает проповедь как жанр *неориторики*, утверждая, что современная проповедь представляет собой «сформировавшийся в рамках неориторики новый жанр, интегрирующий технологии риторики и опыт духовного красноречия» [10, 93]. Исследователь заключает, что в проповеднических текстах сегодня умело сочетаются коммуникативные цели,

способы и средства их достижения, «где слово выступает не только инструментом достижения личных целей, но и свидетельством любви к ближнему своему» [10, 93].

Таким образом, современный священнослужитель должен прилагать много усилий для просвещения вверенной ему паствы. Он должен много трудиться не только над улучшением благоустройства храма, но и прилагать усилия, иногда даже преодолевать свои страхи, и как можно больше говорить с людьми о Боге. Но этот разговор должен быть так построен, чтобы для слушателей он был не только познавателен, но и понятен и интересен. То есть его форма должна не мешать, а, наоборот, содействовать раскрытию содержания проповеди в полной мере. А для более успешной реализации этой цели и необходимо практическое владение проповедником риторическими приемами и его общая эрудированность. Потому как, вновь возвращаясь к утверждению Барсова, «достоинства содержания проповеди – полнота аргументации, богословская доказательность – плод должного изучения богословия во всех отраслях. Внутренние свойства проповеди ... - сила религиозного убеждения, проникновение христианским идеалом жизни, ревностное стремление внедрить этот идеал в своих слушателей, склонить их устраивать свою жизнь по заповедям Евангелия ... проповедника являются в нем как плод духовного помазания, с одной стороны, и воздействия на него всех образовательно-воспитательных ресурсов школы, с другой» [8].

В следующем параграфе рассмотрим риторические особенности проповедей, выступлений и бесед на религиозные темы протоиерея Андрея Ткачева.

2.2. Проповеди протоиерея Андрея Ткачева: традиция и своеобразие

Протоиерей Андрей Ткачев является одним из самых красноречивых проповедников современности. Его пастырское слово отличает духовная и

содержательная насыщенность. Он способен вести рассуждения, выражаясь словами Аристотеля, «относительно каждого данного предмета» [6, 66].

Однако наряду с различного рода аллюзиями, отсылками к различным культурным, историческим, литературным фактам, выступления протоирея Андрея Ткачева отличает доступный язык, включающий просторечия, жаргонные слова, разговорные выражения. Сам проповедник объясняет такое стилевое разнообразие необходимостью делать пастырское слово понятным для всех без исключения прихожан: «все люди очень разные, поэтому и проповеди тоже должны быть разные. <...> Должно быть и слово, которое украшает жизнь, и слово, которое меняет жизнь, и слово, которое выравнивает жизнь» [57].

Отметим, что выступления отца Андрея не ограничиваются стенами храмов и церковных лекториев – священнослужитель часто выступает перед светской аудиторией (преимущественно молодежной) в высших учебных заведениях, например, таких как: ВГИК, Казанский федеральный университет, Мининский государственный университет, ФМБЦ им. А.И. Бурназяна, Всероссийский государственный университет юстиции и других. Отдельную часть проповеднической деятельности миссионера составляют выступления перед военнослужащими: курсантами, слушателями и преподавателями высших военных учебных заведений (например, Военно-морская академия имени Н.Г. Кузнецова, Московское высшее общевойсковое командное училище, Военный университет ордена Жукова радиоэлектроники и др.), матросами (выступление-беседа с военными моряками на палубе подводного корабля), солдатами – в том числе и перед военными, пострадавшими в ходе выполнения своего воинского долга во время Специальной военной операции (например, проповедь, сказанная в госпитале им. Бурденко).

Так или иначе протоирей Андрей Ткачев, горячо преданный своему пастырскому служению, способен говорить о Христе и его учении; о любви к ближнему, и библейских ценностях не только на языке церковнослужителей, но и на языке врачей, режиссеров, литературоведов, космонавтов, юристов и,

конечно, военнотружущих (так как он сам успел испытать на себе особенности военной службы).

В рамках данного исследования нам необходимо рассмотреть традиционные и новаторские элементы в проповедях Андрея Ткачева, исследовать своеобразие его риторического воздействия на слушателей. В качестве анализируемого материала мы привлекли 10 проповедей о. Андрея Ткачева, которые были произнесены пастырем в разные периоды современности. Отметим, что часть рассмотренных выступлений была сказана в первые месяцы проведения СВО – выбор данного материала обоснован значением проводимой спецоперации для сохранения русской культуры и традиционных – «библейских», выражаясь словами о. Андрея, - ценностей.

Для начала рассмотрим тексты, произнесенные протоиереем, в которых не затрагивается тема СВО. Обратимся к первому примеру (проповедь о. Андрея Ткачева от 17.04.2021): «Эй, вы, люди, возьмитесь за ум, перестаньте унывать, тосковать, печалиться! Пусть печалются, тоскуют и унывают безбожники. Мы с вами имеем миллион причин для того, чтобы улыбнуться и сказать: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» Мы – русские люди, нам нельзя хандрить. Мы сытые люди, нам нельзя печалиться. Мы верующие люди, нам нельзя унывать. Мы должны помогать друг другу, мы не должны жаловаться. Плакать должны в одиночку, втихаря. Потом лицо умыть и выйти к людям со светлым лицом... Плачьте перед Богом, а не подружка перед подружкой на перекуре. Плачьте перед Богом – перед людьми не плачьте» [64].

По этому небольшому отрывку очевидно, что проповедник использует целый арсенал риторических средств: риторическое обращение («Эй, вы, люди, ...»), призыв («Плачьте перед Богом – перед людьми не плачьте»), повтор (анафору) («Мы – русские люди, нам нельзя хандрить. Мы сытые люди, нам нельзя печалиться. Мы верующие люди, нам нельзя унывать»), градацию («перестаньте унывать, тосковать, печалиться»), а также такое выразительное средство (троп), как гиперболу – «Мы с вами имеем миллион причин...».

Обратим также внимание на фразу «Плачьте перед Богом, а не подружка перед подружкой на перекуре». Слова «подружка», «перекур» (а также «втихаря», «хандрить») совсем из другой стилистической группы, нежели, к примеру, слова «печалиться», «плачьте перед Богом», «Слава Тебе, Господи!». Сниженная лексика сплетается с лексикой высокой, книжной, – разговорная с церковной. Более того, слово «перекур» напрямую отсылает нас к современности: раньше, в XX веке, это слово ассоциировалось исключительно с миром мужским, а в наши дни перекур стал приметой и женского мира.

В следующем примере - в проповеди на Евангельский текст о взятии своего креста и следовании за Христом, священнослужитель растолковывает прихожанам данный фрагмент Священного Писания следующим образом: «Это слова о жизни и смерти. Это слова предельной четкости. И Христос не был бы Христос – был антихрист - если бы он обещал нам какие-то сладости заморские или говорил бы: «Ай-да все ко мне - всё будет «во»! (сопровождая эту фразу невербальным характерным жестом) Идите все ко мне – прекрасно всё будет.» - так скажет Антихрист. И это антихристово Евангелие – оно востребовано. Так называемое «евангелие личностного роста», «евангелие личного успеха», «евангелие комфорта», «евангелие удовольствий», «евангелие прощённости абсолютной без личных трудов» - это всё востребовано» [60, 00:01:59 – 00:02:44].

Мы видим, что такие священные понятия как Евангелие и слова Иисуса Христа трактуются через разговорные выражения и актуальные для современного мира понятия личностного роста, комфорта и успеха. Посредством использования этих языковых единиц протоирей Андрей Ткачев дает четко понять слушателям, что слова Христа кардинальным образом отличаются от сегодняшних общественных тенденций.

В этой же проповеди встречаем ещё один пример сочетания несочетаемого согласно гомилетическому канону: Евангельский стих «Лисицы имеют норы и птицы гнёзда, а Сыну Человеческому негде приклонить главу» проповедник поясняет, используя современную

аббревиатуру обозначающую человека без определенного места жительства и завершая сложное синтаксическое целое при помощи фразеологического оборота «да куда там»: «Учитель, я пойду за тобой куда бы ты не пошел. А Христос, зная его сердцеви́ну, говорит ему: мне ночевать негде. Я бездомный – я БОМЖ. Говорит: «Лисицы имеют норы, а мне жить негде.» Т.е. он отвечает ему на этот как бы восторженный вопль такими словами: «Да куда ты там пойдёшь?! Ты через два дня домой побежишь, потому что я ночую на улице» [60, 00:03:12 – 00:03:35].

Использование аббревиатуры БОМЖ в данном контексте звучит весьма экстравагантно и смело, однако это слово избирается священником ни с какой другой целью как с той, чтобы максимально ясно передать современному мирянину, что значат метафорические слова «лисицы имеют норы и птицы гнезда, а Сыну Человеческому негде главу преклонить». Протоирей стремится как можно четче дать понять слушателям, что Христос не обещает своим последователям комфортной и спокойной жизни, наоборот он готовит их к тому, что следовать за Ним тяжело – каждому придется в той или иной мере претерпевать трудности и невзгоды.

Богослужбная жизнь циклична, то есть порядок годовых богослужений и закрепленные за каждым из них отрывки Священного Писания, священнослужители обязаны комментировать каждый год одни и те же фрагменты Нового Завета, создавая при этом уникальный текст проповеди. Поэтому, рассмотренный нами выше Евангельский текст о взятии каждым своего креста комментируется протоиереем Андреем и в другой проповеди.

В новом тексте также встречается сочетание высокой лексики и просторечных современных выражений. Рассмотрим отрывок этого проповеднического произведения, в котором протоирей Андрей Ткачев останавливает внимание аудитории на следующих словах Иисуса Христа: «А кто постыдится меня в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыжусь и Я...». Вот как эти слова комментирует проповедник: «Люди стесняются целомудрия. Стесняются перекреститься. Стесняются пойти в храм или

сказать, что я пощусь. Стесняются – слышите?! Ужас какой, Святая Русь! Чтоб вы все покраснели в сию секунду! А вместо этого они не стесняются говорить, что я сделал это, сделал это, а у меня столько-то баб было, а я вот этих обокрал, вот этих обманул, этих лохов вообще поставил на столько-то бабок - люди хвалятся грехом! И стесняются Иисуса Христа, веры, целомудрия – стесняются быть правильными - это и есть Содом и Гоморра, когда людям стыдно быть хорошими и они гордятся тем, что они грешны. И чем больше греха, тем больше они гордятся. Вот Христос нам об этом сегодня говорит: если вы постесняетесь меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, то и Сын Божий постыдится вас, когда придет во славе Отца Своего со ангелами святыми» [56].

Выразительность этому фрагменту придают как языковые, так и риторические средства. Среди риторических фигур Ткачев традиционно для себя использует риторические восклицания («Ужас какой!», «Чтоб вы все покраснели сию секунду!»), повтор, парцелляцию («Люди стесняются целомудрия. Стесняются перекреститься. Стесняются пойти в храм...»), антитезу («людям стыдно быть хорошими, и они гордятся тем, что они грешны...»). На лексическом уровне в представленном фрагменте наряду с библейскими образами и цитатами («Содом и Гоморра», «если вы постесняетесь меня и слов моих в роде сем ...») проповедник использует просторечия («баб») и жаргонизмы («лохов», «бабки»).

Доктор богословия В.Ф. Певницкий, среди важнейших условий успешного церковного красноречия на первый план выдвигает преданность проповедника своему служению Богу, в основе которой лежат искренняя вера и забота о спасении душ окружающих людей. Автор отмечает, что необходимо, «чтобы в его груди теплился и, когда нужно, воспламенялся огонь благочестивого одушевления. Если в нем есть много одушевления, из его уст будет раздаваться впечатлительное слово, как бы он ни приготавливал его» [41]. На наш взгляд, эти слова в полной мере относятся к Андрею Ткачеву, который постоянно отчаянно взывает к покаянному чувству людей.

Приведем фрагмент проповеди, в котором ярко отражается этот «огонь благочестивого одушевления»: «... Слушайте, схватитесь-ка за Иисуса и вы! Бросьте-ка вы всё остальное! Схватитесь-ка вы за Иисуса! И те, у которых мужья гуляют. И те, у которых жёны гуляют. И те, у которых денег не хватает. И те, которые смерти боятся. И те, которые с утра до вечера в грехах перекачиваются как вареник в сметане. Все вы, схватитесь за Иисуса! Потому что чего ещё в этом мире делать?! Если честно. А вдруг вот вам завтра придётся действительно отдавать концы?! Вот посетит вас какая-нибудь внезапная, серьёзная болезнь, скажем, - доктора отступят, а священник не успеет. За кого хвататься, чтобы жить вечно?! Схватитесь-ка вы за Иисуса, братья и сестры» [61].

Обращает внимание то, что сквозь этот фрагмент речи проходит рефрен «схватитесь за Иисуса». Снова отгалкиваясь от эпизода Евангелия, в котором Петр, утопая, в прямом смысле хватается за руку Спасителя, проповедник переносит это физическое действие в духовную область. Он призывает всех людей, которые так или иначе утопают в буре житейских испытаний и невзгод, в буре своих страстей (зависимостей – говоря иначе), искать опору в этом мире ни в ком другом как в Иисусе Христе. Моментально речь Ткачева становится быстрой. Интонация обращения приобретает более выразительную форму за счет стилистических фигур анафоры («И те, у которых жены гуляют...», «И, те, которые смерти...») и синтаксического параллелизма («И те, у которых мужья ... И те, у которых жёны... И те, у которых денег ...»; «И те, которые смерти боятся. И те, которые в грехах...»). Повышенная эмоциональность выражается при помощи приемов риторического обращения («Слушайте, схватитесь-ка за Иисуса, и вы!»), риторического восклицания («Бросьте-ка вы всё остальное!») и риторического вопроса («Потому что чего ещё в этом мире делать?!», «За кого хвататься, чтобы жить вечно?!»).

На уровне лексики экспрессивность речи проявляется посредством сочетания слов различных корпусов лексики. Так, фразеологизма «с утра до вечера» в сочетании с нетипичным глаголом для описания деятельности

человека «перекатываться» мотивирует появление совершенно оригинального сравнения людей, которые постоянно грешат, с образом вареника, перекатывающегося в сметане («И те, которые с утра до вечера в грехах перекатываются как вареник в сметане»). Так же выделяется просторечие «отдавать концы» в значении окончания жизни человека.

На наш взгляд, рождение «впечатлительного слова» в форме оригинальных образов сравнения в процессе произнесения проповеди зависит не только от твердой веры о. Андрея, но и от его отношения к проповедничеству. Сам Андрей Ткачев называет «говорение» – подразумевая проповедь – «Таинством» [58]. Именно поэтому его благоговейное отношение к «говорению», как к таинственному, сакральному явлению, становится одной из причин мгновенного возникновения в речи таких слов, которые усиливают её убедительность.

Характерной чертой проповеднического стиля протоиерея Андрея Ткачева также является использование современных культурных феноменов и бытовых предметов для комментирования эпизодов Ветхого Завета, сущности монашеской жизни, подобающего отношения каждого человека к личным добродетелям и прочих аспектов христианской жизни. Приведем несколько примеров.

Так, говоря об отношении к делам милосердия, которые мы совершаем, протоиерей Андрей Ткачев предлагает слушателям смотреть на себя в этой ситуации как на посредника между Богом и другим человеком. Для большей наглядности проповедник сопоставляет человека с предметом, который является частью нашей повседневности – с банкоматом, выдающим деньги, которые в него положили: «Что такое доброе дело человека, сделанное человеку? «Я дал кому-то денег.» - «Откуда ты их взял?» - «Мне их дали». Получается, что ты их просто передал. Это всё равно что банкомат бы гордился: в банкомат заложили одни – выложили другие, а банкомат говорит: «Я столько денег раздал людям!» Вы представьте себе, что, если бы банкомат умел разговаривать, он бы говорил: «Я столько денег всем раздаю –это

вообще! Самый милосердный аппарат в мире как бы это я. Я только и делаю, что выкидываю деньги из себя. Просто вот с утра до вечера» - как будто он их заработал. Понимаете?» [55].

Комментируя фрагмент Книги Бытия Ветхого Завета (которая читается за богослужением во время Великого Поста), посвященный Ное, пастырь, преследуя цель максимально доступно передать реакцию окружающего допотопного общества на строительство праведником ковчега, говорит, что его послушание Божественному Повелению было для нечестивых людей «Comedy club(-ом) допотопного мира» [62]. Ткачев говорит следующее: «Вот в этом ковчеге Ной совершал свое странное плавание. Должен Вам заметить, братия и сестры, что строительство продолжалось долго... Строил Ной вместе с семьей – больше никого, больше помощников не было. И это был, значит, если хотите, такой «Comedy club» тогдашний – допотопного мира. ... Его спрашивали: «Чем ты занимаешься?». Он говорил: «Я строю спасительный ковчег - вместилище для спасения от воды». Происходило это все, повторяю, не на озере, не на речке, не на море - где-то в горах, в пустых - совершенно безводных местах. И народ, конечно, считал, что он совершенно сумасшедший. Он строил свою эту несуразную огромную штуку сотни лет вдали от воды, потому что Бог сказал ему, что будет потоп – не сказал когда, говорит: «Строй ковчег». Так что он был очень смешным в своих занятиях. И когда он говорил, он не придумывал ничего. Когда он говорил: «Будет потоп», то он вызывал к себе еще больше смеха, и продолжал свою работу. Если вы всю эту аналогию перетащите на свою собственную жизнь, то вы тоже можете почувствовать это сами (в уменьшенном варианте). Вам говорят: «Зачем ты постишься? Зачем ты идешь на кладбище поминать своих покойных? Зачем ты на панихиде поешь за них «Со святыми упокой»? Зачем ты исповедуешься в грехах? ... А зачем ты молишься ... Зачем то, зачем се?» И ты им говоришь: «Будет Страшный Суд». И говорят вам: «Да, ну вас! Вы идиоты». И уходят - как было и с Ноем: «Будет потоп» – «Да ну тебя, какой потоп?!» – и уходят» [62].

В данном фрагменте ярко выражен ещё один характерный для проповеднической манеры Ткачева приём разрушения временных границ между событиями Ветхого Завета и современности. То есть, комментируя строительство Ноем ковчега, которое казалось абсурдным для допотопного общества, окружающего ветхозаветного праведника, о. Андрей сопоставляет его дело с христианской жизнью современного человека. Ткачев проводит параллель между подготовкой Ноя к спасению животных и людей от потопа и подготовкой православного человека к Страшному суду, направленной на спасение души от «геенны огненной». В результате этого история и поведение Ноя становятся актуальным в современную эпоху.

Этот же прием мы встречаем в фрагменте проповеди о. Андрея Ткачева, в котором пастырь, комментируя один из кондаков акафиста «Сладчайшему Иисусу», посвящённому Евангельскому эпизоду о хождении Петра по воде, обращает внимание слушателей, что состояние Петра в этом эпизоде знакомо каждому человеку. За счет чего чудесный эпизод, который, на первый взгляд, никак не относится к нам, в результате символического преломления его смысла проповедником становится близок душевному опыту всего человечества. Вот каким путем о. Андрей добивается этого результата:

«Бурю внутрь имея помышлений сумнительных ... Пётр тонул – Пётр утопаше – узнал же тебя Господи, во плоти ходящего – во плоти суще и по водам ходяще, получил руку истины и прославил тебя и закричал: «Аллилуйя!» - это ж про всех про нас. Потому что «бурю внутрь имея помышлений сумнительных» живут все люди. Как я вам недавно говорил, что у нас в голове должен был царь и тишина... Царь сказал – и тихо! А у нас в голове – парламент. У нас полная демократия в голове. Голосуем, переголосуем, перебаллатируем, забаллатируем – у нас дурдом в башке, мы все больные, потому что в голове демократия. Должен быть царь! Царь гаркнул – все замолчали. Царь в голове - то есть без царя в голове – это значит в голове парламент. Ничего хуже быть не может с человеком, если у него в голове парламент. И вот так мы читаем слово Божию, оттуда вынимаем какие-

то вещи – меня касающиеся: «бурю помышлений сумнительных», вот эти все утопания, вот эту хромоту, вот эту вдовицу «зельне плачущую» и потом Иисусе, Иисусе, Иисусе, Иисусе, Иисусе – это всё жизнь души ...» [54].

Реальное «утопание» Петра в Генисаретском море, Ткачев, с опорой на святоотеческую традицию толкования, сопоставляет с бурей душевной, в которой человек от множества тревожных помыслов тоже «тонет» – отчаивается и унывает, его охватывает страх – точно так же, как и апостола Петра, ступившего на воду ногой и поддавшегося панике от своего маловерия (он пошел по воде к Иисусу, но осознавая, что ходить по морю, как по земле, невозможно, начал тонуть). Кроме того, пытаясь более наглядно прихожанам объяснить, что представляет собой эта буря «внутри помышлений сумнительных», проповедник обращается к поговорке «Без царя в голове». Проповедник сопоставляет традиционную монархическую форму правления государства и демократические реалии управления в современном мире. Он утверждает, что у современного человека вместо царя в голове – парламент, подразумевая под этим метафорическим оборотом, что сегодня, в эпоху утраты ценностей, границ дозволенного, постоянного самооправдания, в сознании человека нет прямого пути, с которого он не может сворачивать – в сознании людей, благодаря тенденциям принятия зла и его оправдания, стремлениям к комфорту и удовлетворению своих желаний, отсутствует четкое деление вещей на добро и зло из-за чего в моменты принятия решений вместо следования одной строгой позиции, происходит демократическое голосование – дебаты, в ходе которых множество точек зрения (обладающих той или иной выгодой) борются между собой за правоту. И всё это происходит в голове одного человека. Поэтому это «демократическое» состояние разума – напоминающее раздвоение личности – Ткачев и называет «дурдомом в башке», используя сочетание просторечий «дурдом» («гаркнул» - в другом предложении) и жаргонизмов «башка». Усиливает убедительность позиции Ткачева лексические сочетания с использованием стилистической фигуры

гиперболы: «мы все больные», «полная демократия», которыми пастырь подчеркивает бедственность духовного состояния нашего мира.

В этом эпизоде, как и во многих других проповеднических текстах отца Андрея, заметны намеренные повторы слов, выступающих в качестве лейтмотива эпизода. В данном фрагменте таковыми являются слова «парламент» и «царь», противопоставленные друг другу в контексте проповеднического произведения и являющиеся примером обращения Ткачева к художественному приему антитезы («...то есть без царя в голове – это значит в голове парламент»). Можно сказать, что с выбранными словами Ткачев устраивает своеобразную импровизированную «синтаксическую игру», переставляя ведущее слово в разные части предложений, стоящих бок о бок. Так, нарочитые повторы о. Андреем слова «царь» мотивируют возникновение целого ряда стилистических фигур, таких как анадиплосис («Должен быть царь! Царь гаркнул – все замолчали.»), анафора («Царь сказал ...» «Царь гаркнул ...») и синтаксический параллелизм («Царь сказал – и тихо!»; «Царь гаркнул – все замолчали.»). Повтор же лексемы «парламент» приводит к возникновению приема эпифоры («А у нас в голове – парламент.»; «...это значит в голове парламент.»; «...если у него в голове парламент.»).

Подобная «синтаксическая игра» с лейтмотивом эпизода встречается и в проповеди протоиерея Андрея Ткачева, посвященной четвертой неделе Великого поста, именуемой «неделей Иоанна Лествичника», в которой миссионер аргументирует необходимость монашества в мире и суть иноческого подвижничества в судьбе человечества. Обратимся к словам о. Андрея Ткачева:

«Монашество проверяет нас. Будьте в посту монахами. К старости, получится, шуруйте в монастырь, а если нет, так дома с Псалтирью скончайте дни свои. А если детки Ваши зажгутся Божественным огнем - Боже Вас сохрани, ойойойкать, причитать и перепугаться. Обнимите его и скажите: «Иди, сынок, отмолишь всех наших безбожных сродников. Иди, родной. На небесах ангелы радуются, мне ли печалиться, если чрево мое родило монаха.

Но только будь настоящим монахом! Настоящим монахом будь! Иди и будь настоящим монахом! Зубы цепи, аж посиней до синевы, но заповеди исполни. В огонь нужно – в огонь зайди; в воду – в воду зайди; с бесами нужно драться – с бесами дерись, но будь настоящим монахом. Иди, сынок, мама благословила. И папа благословил.» Слышите, как нужно жить на Руси Святой?! А то что сейчас – это отрывка западного мира. И даже война пришла, и война не исцелила. До сих пор - «Голос страны», «Алло, мы ищем таланты», «Поле чудес», трали-вали, концерты... Какие концерты – скоро Страшный суд.» [63, 00:39:50 – 00:41:02].

Так, в данном эпизоде лейтмотивом является словосочетание «будь настоящим монахом», выраженное в форме повелительного наклонения глагола «быть» в составе составного именного сказуемого. Снова, акцентируя внимание на необходимости монаха «быть настоящим», Ткачев нарочито повторяет данное словосочетание, используя следующие стилистические фигуры – эпифору («Но только будь настоящим монахом!»; «Иди и будь настоящим монахом!»; «...с бесами дерись, но будь настоящим монахом») и просаподосис («Но только будь настоящим монахом! Настоящим монахом будь!»). Отметим, что словосочетание «будь настоящим монахом» в данном эпизоде выступает в качестве уже не столько в качестве повтора, сколько – рефрена. Кроме того, в приведённом фрагменте встречаются и такие фигуры, как синтаксический параллелизм (внутри построения одного предложения: «В огонь нужно – в огонь зайди; в воду – в воду зайди; с бесами нужно драться – с бесами дерись...») и в построении сложного синтаксического целого: «Зубы цепи..., но заповеди исполни. В огонь нужно ..., но будь настоящим монахом»), анафора (Иди, сынок, ...»; «Иди, родной.»; «Иди и будь...»; «Иди, сынок, мама благословила.»), парцелляция («Иди, сынок, мама благословила. И папа благословил.»), риторические восклицания («Слышите, как нужно жить на Руси Святой?!») и эллипсис («До сих пор - «Голос страны» ...»; «Какие концерты – скоро Страшный суд.»).

Среди лексических средств в данном фрагменте – уже традиционно для манеры Ткачева – выделяются сочетание разных пластов лексики в рамках одной синтаксической единицы: сленговой лексики «шуруйте» и церковнославянского выражения «скончать дни свои»; просторечного глагола «ойойойкать» и библеизмов «зажечься Божественным огнем», «Боже вас сохрани». Также интересен образ «отрыжка западного мира», которым проповедник описывает текущее общее состояние российского общества, не начавшего покаяние и после наступления серьезных скорбей и испытаний. Метафора «отрыжка западного мира» подразумевает некие отголоски западной цивилизации, западных «ценностей», которых до сих пор придерживается часть россиян.

В этой же проповеди выделяется фрагмент, в котором Андрей Ткачев разъясняет необходимость монашества и роль иноческого подвижничества в судьбе человечества. Ткачев, ссылаясь на сравнение Паисия Святогорца монаха с радистом, ярко и артистично раскрывает суть данного сопоставления. Он говорит следующее: «... Монах не должен бежать с винтовкой на фронт – его дело быть «радистом», по словам Паисия Святогорца. Он сядет и вызовет небесную подмогу-вызовет «небесные бомбардировщики». Когда враги нас осаждают, если ты бросишь всё, вылезешь с винтовкой и побежишь: «Урааа!» - тебя «вжиу» и нету тебя! «Вот ты сиди на месте. Знаешь частоту?» - «Знаю.» - «Вызывай, вызывай бомбардировщики!». Монах сидит в тишине и вызывает «бомбардировщики» - небесную (помощь): архангела Гавриила, архангела Михаила, архангела Уриила, архангела Рафаила, Николая Чудотворца, Григория Паламу, Серафима Саровского. «Алло-алло, вызываю на связь! Серафим Саровский, помогай – совсем все плохо: мы погибаем. Мы нечестивицы, безбожники, заразы, стукачи, такие, сякие, обжоры, пьяницы... Вызываю-вызываю по частоте Святой Руси, вызываю всю Святую Русь на помощь!». Это дело монахов! Если таких монахов не будет – нам конец!» [63, 00:14:30 – 00:15:28].

В данном фрагменте (как и в рассмотренных выше) раскрывается ещё одна характерная черта выступлений Ткачева – спонтанное моделирование диалогов – неких небольших сценок внутри проповеди, в которых посредством нескольких фраз, «вырванных» из предполагаемой беседы людей, разыгрывается типичная ситуация из жизни. В данном эпизоде – это предполагаемый диалог между радистом и командованием, который постепенно перевоплощается в обращение монаха-радиcта, вызывающего «небесную подмогу» («Вот ты сиди на месте. «Знаешь частоту?» - «Знаю.» - «Вызывай, вызывай бомбардировщики!»; «Алло-алло, вызываю на связь! Серафим Саровский, помогай – совсем все плохо: мы погибаем. Мы нечестивицы, безбожники, заразы, стукачи, такие, сякие, обжоры, пьяницы... Вызываю-вызываю по частоте Святой Руси, вызываю всю Святую Русь на помощь!»). Вплетение в канву проповеднического текста подобных импровизированных диалогов играет важную роль для восприятия людьми пастырского обращения, а именно - оно наполняет жизнью слова обращения, делает их естественными, тем самым повышая процент ясности устного текста.

Ярким художественным средством в данном отрывке является образ «небесных бомбардировщиков», который представляет своеобразный оксюморон. Объясним почему: относительное прилагательное «небесный», образованное от существительного «небо», в речи о. Андрея предполагает Небеса, не как пространство над поверхностью земли, а как Божественный мир, в котором нет места вражде, войне и вооружению; существительное же «бомбардировщики», напротив, напрямую связано с военными действиями и полностью принадлежит земному – греховному миру. Сочетание несочетаемого можно обнаружить не только на уровне семантики, но и на уровне стилистики: «небесный» абстрактное существительное, относящееся к лексике, описывающий духовный мир – «бомбардировщики» - лексическая единица, используемая в сугубо материальном контексте. Однако посредством оксюморонного сочетания данных слов протоиерей снова

добивается предельной наглядности сравнения монаха и радиста, проведенного Паисием Святогорцем. Монах своим подвижническим житием, своей постоянной молитвой поддерживает связь человеческого мира со святыми и Богом. В случае беды, его молитва становится радиосигналом о помощи, направленном к Небесам, которые, в свою очередь, могут стать «небесными бомбардировщиками», наносящими решающий удар в борьбе зла с добром - греха с добродетелью.

Мы неоднократно указывали, что характерной чертой проповеднической манеры протоиерея Андрея Ткачева является сочетание образов и выражений Библии с лексическими единицами разговорного корпуса современного русского языка. Переплетение в канве проповеднического текста библеизмов и современных просторечий встречаются и в речах, которые были сказаны священнослужителем в связи с началом Специальной военной операции в 2022 году. Отец Андрей максимально четко объяснял свою позицию во многих проповедях того периода. В первом пастырском слове, касающемся темы Специальной военной операции, можно встретить следующие слова:

«Война не началась – она заканчивается. И тот, кто не знал, что она началась – тот просто сволочь. ... Проклятый Майдан – корень и вина всего происходящего. Не надо искать виноватых на стороне. Виноват Майдан и те, кто его устроили. Как за «большой атлантической лужей», так и все, кто здесь, на континенте, этим занимался. Виноваты они по суду Всесвятого Слова и по законам духовным. «Между посевом и жатвой должно пройти время». Посеяли?! Жните! А как вы хотели?! Если бы посеяли вчера, а пожинали сейчас, то, конечно, хватило бы котячьего ума понять за что получаешь. И Соломон сказал: «Между посевом и жатвой происходит время. И сыны человеческие не понимают наказаний. ...» [53].

Отметим, что и в этом отрывке речи проповедника острые события современности объясняются протоиреем максимально прямолинейно – не только с позиций современной политической ситуации, но и через призму

Священного Писания. Мы видим очередное смелое сочетание в канве проповеднического текста просторечий, оригинальных перифраз, экспрессивно окрашенных лексических единиц и библеизмов. Весьма интересен перифраз «большая атлантическая лужа», используемый для обозначений Атлантического Океана. Оригинальное экспрессивное словосочетание подчеркивает негативное с точки зрения нравственности отношение пастыря к государству, которое за ним находится, и к внешней политике его руководства.

В следующей проповеди периода начала СВО отец Андрей обращает внимание слушателей на мнимые блага западной цивилизации, от которых отлучили россиян из-за бесконечно вводимых против нашей страны санкций, и говорит об этом так: «...Это была изначально проклятая цивилизация! Она в корнях своих ждет небесного огня. Это Содом. И кто любил этот Содом - тому тысячу раз горе, пока не покается! А кто знал где он живет - сегодня должен расправить плечи и возрадоваться. Потому что рушит Господь руками русского солдата - как это всегда бывало. ...Но почему-то все лгут, продают, покупают обманывают, блудят, воруют, жиреют, хамяют, а потом русский Ванька все исправляет. Какой-то рязанский парень с трехлинейкой - с штыком на перевес - ну сегодня чуть по-другому: русский парень, который в перископ танка смотрит за происходящим в усеченном радиусе обзора – почему-то он рушит всю эту сатанинскую мерзость. ...

Мы жили в сатанинской химере. Вы этого не слышали, не знали, друзья? Вы не заметили, как воздух очистился? «Пугачева навсегда покинула Россию» - Господи, как я этого ждал! «Порнхаб закрыли от русских пользователей» - нас отлучили от блага западной цивилизации! «Порнхаб закрыли» - Иисусе, как нужно было молиться, чтобы его закрыли раньше! «Нас не пустили на Евровидение» - Боже, как я просил, чтобы нас не пускали никогда на него! Чтобы я этих женщин с усами и мужиков с грудью никогда не видел даже во сне, даже случайно в рекламе. Их взяли и закрыли для нас. Вот он хваленый,

вонючий, проклятый - в кишках своих проклятый - мир наживы, мир брехни и мир кровопролития! ...» [52].

Очевидно, что и в этой проповеди мы наблюдаем сочетание высокого стиля, библеизмов (Господь, небесный огонь, химера, Содом и др.) и разговорных выражений и экспрессивных лексем (порнхаб, мужики, в кишках своих проклятый, брехни, хваленый и др.). Особенно интересно стилистически несочетаемое соединение в рамках одного предложения просторечий «нажива», «брехня» и слова высокой лексики «кровопролитие».

Среди стилистических фигур выделяются градация («Вот он хваленый, вонючий, проклятый - в кишках своих проклятый ...»; «все лгут, продают, покупают обманывают, блудят, воруют, жиреют, хамяют»), риторические восклицания («Господи, как я этого ждал!», «Иисусе, как нужно было молиться, чтобы его закрыли раньше!»; «Жните!»), риторические обращения («Вы этого не слышали, не знали, друзья? Вы не заметили, как воздух очистился?»; «Посеяли?!»), синтаксический параллелизм («И кто любил этот Содом - тому тысячу раз горе... А кто знал где он живет – (тот) сегодня должен расправить плечи и возрадоваться»), анафору («Это была изначально проклятая...», «Это Содом»; «Вы этого не слышали...», «Вы не заметили...»).

Среди тропов в данном отрывке особенно ярко выделяются синекдоха (Ткачев говорит о русском Ваньке, который смотрит в перископ танка, подразумевая не какого-то одного конкретного Ваньку, а всех отважных военнослужащих русской армии), гипербола («все лгут, продают, покупают обманывают») и антитеза (все лгут ..., а русский Ванька ... рушит сатанинскую мерзость). Художественные средства придают тексту проповеди выразительную форму, которая способствует усилению убедительности её смысла.

Выводы по главе 2

Таким образом, рассмотрев лингвистические, структурные и семантические особенности ряда проповедей протоиерея Андрея Ткачева, можно заключить, что как оратор о. Андрей Ткачев использует все возможные средства (риторические, лексические, стилистические) для реализации своих целей: во-первых, дать точную, правдивую характеристику нравственному состоянию современного общества и, во-вторых, оказать воздействие на людей, чтобы они изменили свою жизнь.

Отец Андрей использует целый арсенал риторических приемов, преследуя цель разбудить духовно спящего человека, оживить его чувство веры, поднять на молитву и жизнь во Христе. Кроме этого, включая современность в «парадигму «вечности», отец Андрей Ткачев убеждает слушателей, что подобное происходящему событию (явлению) уже было в истории человечества, в каком-то смысле оно типично, и, следовательно, имеет духовную или нравственную оценку, данную Священным Писанием, Евангелиями.

Традиционным, таким образом, в проповедях о. Андрея является подражание библейской манере повествования (фигуры просопадосиса и анадиплосиса, рефрены, синтаксический параллелизм и др.), традиционные темы проповеднических произведений (необходимость покаяния, прощения, борьбы со страстями; приближение Страшного суда, сохранение семьи и пр.), обращение к феноменам культуры. К новаторскому в проповедях протоиерея Андрея Ткачева следует отнести «спонтанное моделирование сцен из бытовой жизни» в качестве иллюстрации того или иного положения выступления; введение в контекст проповеди сленговой и жаргонной лексики, актуальных аббревиатур в сочетании с библеизмами и высокий уровень владения навыками ораторского искусства (риторические приемы построения текста, интонирование, выразительность произнесения и артистизм).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. На смену классической риторике в XX веке пришла неориторика. Это научная дисциплина, целью которой стало изучение *текста* в широком значении этого слова и, в частности, исследование *речевой деятельности* как отдельного человека, так и средств массовой коммуникации. В рамках неориторики разрабатывается такое направление, как лингвистическая риторика.

2. Предметом изучения лингвистической риторики являются те функции текста, которые помогают коммуникатору выбрать наиболее эффективные речевые средства для реализации коммуникативной цели.

3. Проповедь как риторический жанр является объектом лингвистического исследования. Однако проповедь – это жанр и церковного красноречия, изучаемого такой дисциплиной, как гомилетика.

4. Изучив историю проповеди в контексте риторики и гомилетики, мы убедились в том, что проповедь своими «корнями» уходит к традициям ораторского искусства античности. Опираясь на исследования С.С. Аверинцева, Р.В. Жолудя, Г.В. Прутцова и др., мы выяснили, что в жанре проповеди соединились особенности публичной речи ораторов Древней Греции и Древнего Рима и проповедническая традиция ветхозаветных пророков и праведников. Ядром новозаветного красноречия являются слова и учение Иисуса Христа, его притчи о наступлении Царствия Божия.

5. Объектом нашего исследования стали тексты 25 проповедей протоиерея Андрея Ткачева, в процессе изучения которых нами было установлено, что отец Андрей не только талантливо продолжает традиции христианского проповедничества, но и вводит индивидуальные вербальные и невербальные средства, выделяющие его выступления из привычного для церковного красноречия контекста.

6. Анализируя вербальные (лексическую, стилистическую, синтаксическую) аспекты речи протоиерея Андрея Ткачева, мы установили, что:

1) для проповеднических текстов о. Андрея Ткачева характерны сочетания в рамках одной синтаксической единицы библеизмов и просторечных, жаргонных выражений;

2) среди риторических фигур наиболее часто в проповедях встречаются градация, анафора, синтаксический параллелизм, парцелляция, анадиплосис, просопадосис, риторические обращения, риторические вопросы и риторические восклицания;

4) тропы в речах проповедника представлены преимущественно метафорами, сравнениями, оксюморонными лексическими сочетаниями и гиперболами;

5) тексты проповедей отца Андрея наполнены яркими интересными образами, усиливающими убедительность пастырских слов.

Среди невербальных средств воздействия мы отметили артистизм, импровизационность, виртуозность владения такими голосовыми качествами, как интонация, темп, сила и т.п.

7. Как оратор о. Андрей Ткачев использует все возможные риторические, лексические, стилистические средства для того, чтобы дать точную характеристику нравственному состоянию современного общества и мотивировать людей к изменению своей жизни – к покаянию.

8. Ткачев посредством сопоставления современных событий с эпизодами Ветхого и Нового Завета включает современность в «парадигму вечности» и убеждает слушателей, что подобное происходящему явлению имеет духовную или нравственную оценку, данную Священным Писанием, Евангелиями.

9. Традиционным в проповедях о. Андрея является подражание библейской манере повествования (фигуры просопадосиса и анадиплосиса, рефрены, синтаксический параллелизм и др.), традиционные темы

проповеднических произведений (необходимость покаяния, прощения, борьбы со страстями; приближение Страшного суда, сохранение семьи и пр.), обращение к феноменам культуры.

10. К новаторским приемам следует отнести обращение к актуальным проблемам современного общества (события в политической сфере, распространение и легализация «содомского греха», аборты, сожитительство вне брака и т.д.). А также введение в контекст проповеди сленговой и жаргонной лексики, актуальных аббревиатур в сочетании с библеизмами.

Таким образом, все задачи реализованы, а цель исследования достигнута.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев С. С. Собрание сочинений: София-Логос. Словарь / под ред. Н.П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
2. Айснер Л. Ю. Православная проповедь как феномен русской культуры: история и современность: автореф. ... канд. культурологии: 20.00.01 / Айснер Лариса Юрьевна; науч. рук. М.Б. Абсалямов; СГАУ им. ак. М.Ф. Решетнёва – Кемерово, 2010. – 25 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaya-propoved-kak-fenomen-russkoi-kultury-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 29.04.2024).
3. Алфеев И. митр. Иисус Христос : жизнь и учение. В 6 книгах. Кн. 1 / митр. Илларион Алфеев // Православная портал «Азбука веры» : <https://azbyka.ru/> . – 2016. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/iisus-hristos-zhizn-i-uchenie-nachalo-evangelija-kniga-1/8_16 (дата обращения: 31.04.2024)
4. Андросенко С. Церковная проповедь сегодня. / С. Андросенко // Преображенское братство: <https://psmb.ru/>. – 2017. – URL: <https://psmb.ru/a/tsierkovnoie-propovednichiество-sieghodnia.html> (дата обращения: 2.05. 2024).
5. Аннушкин В. И. Риторика. Экспресс-курс.: учеб. пособие / В.И. Аннушкин. – 3-е изд. – Москва: ФЛИНТА Наука, 2011. – 224 с.
6. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель; пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус: Азбука-классика. Non-Fiction, 2021. – 320 с.
7. Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди. / проф. Николай Иванович Барсов // Азбука веры: <https://azbyka.ru/>. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Barsov/istorija-pervobytnoj-hristianskoj-propovedi-do-4-v/ (дата обращения 10.05.2024)

8. Барсов Н. И. О возможных улучшениях в современной нашей церковной проповеди. / Н. И. Барсов // Азбука веры: <https://azbyka.ru/>. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Barsov/o-vozmozhnyh-uluchshenijah-v-sovremennoj-nashej-tserkovnoj-propovedi/#source (дата обращения: 11.05.2024)

9. Бильченко Ф., епископ. Гомилетика. Теория церковной проповеди. / еп. Феодосий (Бильченко) // Азбука веры: https://azbyka.ru. – 2005. – URL: <https://azbyka.ru/propovedi/gomiletika-teorija-cerkovnoj-propovedi-episkop-feodosij-bilchenko.shtml> (дата обращения: 25.04.2024).

10. Гаврикова Э.О. Проповедь как жанр риторики. / Э.О. Гаврикова // XI Кирилло-Мефодиевские чтения. Межвузовский сборник научно-методических статей / под ред. Г.В. Сильченко. – 2019. С. 90-94

11. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика. / М.Т. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова // История Древнего Рима: сайт. – URL: <https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1346675999> (дата обращения 05.05.2024).

12. Глаголев О. «Я лепёшка, а хлеб жизни – это вот» / Олег Глаголев, собес. Анна Дмитриева // С-т-о-л: <https://s-t-o-l.com>. – 2021. – URL: <https://s-t-o-l.com/material/68839-ya-lepyeshka-a-khleb-zhizni-eto-vot/> (дата обращения: 27.05.2024).

13. Гнедич П. Начало христианской проповеди (Проповедь Иисуса Христа и апостолов. / свящ. П. Гнедич // Журнал Московской Патриархии. - 1954 г. - № 7. – С. 36 – 42.

14. Гомилетика. // Православная энциклопедия «Азбука веры»: <https://azbyka.ru/>. – с 2005 г. – URL: <https://azbyka.ru/gomiletika> (дата обращения: 14.05.2024)

15. Даниленко С., свящ. Об особенностях стиля духовных произведений святителя Феофана Затворника. / журн. Игорь Вратов // Церковный вестник. Летопись Православия в XXI веке. – 2019. - URL:

http://www.e-vestnik.ru/interviews/osobennosty_stilya_feofana_zatvornika_10658/ (Дата обращения: 23.04.2024).

16. Ефремова Т. В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. / Ефремова Т.В. – Москва: Русский язык, 2000. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/п/проповедь> (дата обращения: 02.05.2024). – Режим доступа: свободный доступ.

17. Жолудь Р.В. Генезис христианской публицистики и формирование традиции православной проповеди: на примере творчества Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Иоанна Златоуста: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Жолудь Роман Владимирович // disserCat — электронная библиотека диссертаций: <https://www.dissercat.com/>. – 2002. – URL: <https://www.dissercat.com/content/genezis-khristianskoi-publitsistiki-i-formirovanie-traditsii-pravoslavnoi-propovedi-na-prime> (дата обращения 26.05.2024)

18. Корнилова Е. Н. Риторика и раннее христианство / Е.Н. Корнилова // Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира: учеб. пособие. – 3-е изд., доп. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 240 с.

19. Коскелло А. С. Бедный, бедный отец Павел! / А.С. Коскелло // Независимая газета (НГ религии): <https://www.ng.ru/religion/> – Москва, 2024. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-02-06/9_566_pavel.html (дата обращения: 1.05.2024).

20. Крутер Л. Краткая история христианской проповеди. / Л. Крутер // Евреи за Иисуса: <https://evreizaiisusa.org/>. – 2024. – URL: <https://evreizaiisusa.org/krat-istoriya-hrist-propovedi/> (дата обращения: 28.04.2024)

21. Кочетков Г., свящ. Проблемы проповеди Евангелия и контекст современной церковной жизни в России. / священник Г. Кочетков

// Свято-Филаретовский институт (доклады и выступления): <https://pravoslavie.ru/>. – URL: <https://sfi.ru/science/doklady-stat-i-vystupleniia/problemy-propovedi-evangeliia-i-kontekst-sovremennoi-tserkovnoi-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения: 8.05.2024). Кристенсен Д., иеромон. Проповедь Евангелия Христова в современном мире. / иеромонах Дамаскин (Кристенсен) // Православие.ru: <https://pravoslavie.ru/>. – URL: <https://pravoslavie.ru/3600.html> (дата обращения: 10.05.2024).

22. Крошкина Л. В. Проблемы стиля современной церковной проповеди / Л. В. Крошкина // Вестник Свято-Филаретовского института: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-svyato-filaretovskogo-instituta?i=1063835>. – 2015. – №15. – URL: https://psmb-neos-resources.hb.bizmrg.com/target/sfi/e84ec8157758f5deff872b6bb7f3245cf2eccec12/15_Kroshkina_121-131.pdf (дата обращения: 1.05.2024).

23. Крылов А. О. Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII — начала XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Крылов Алексей Олегович; науч. рук. Л.Н. Вдовина; РГГУ. – Москва, 2014. - 373 с.

24. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. Кузнецов С. А. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. – 1536 с.

25. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона: компиляция из четырехтомного издания диалогов Платона. – Москва: Мысль, 1990 – 1992: Киев PSYLIB, 2005. – URL: <https://www.rulit.me/author/losev-aleksej-fedorovich/kommentarii-k-dialogam-platona-get-157628.html> (дата обращения: 6.05.2024). – Режим доступа: свободный доступ.

26. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры: Текст как семиотическая проблема: Риторика / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992.

27. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты. / А. С. Маркова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, – Москва, 2019. – №4. – С. 223-230. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnyy-publitsisticheskiy-diskurs-v-sovremennoy-gumanitarnoy-paradigme-otlichitelnye-cherty/viewer> (дата обращения: 12.05.2024).

28. Марков А.А. Теория и практика массовой информации / А.А.Марков, О.И.Молчанова, Н.В.Полякова. – Москва : ИНФРА-М. – 2014. – 252 с. – (Высшее образование. Бакалавриат).

29. Масурова О. А. Структурно-семантическая характеристика русской православной проповеди конца XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 / Масурова Ольга Александровна; науч. рук. А.Н. Алиева; ДГТУ. – Махачкала, 2008. – 26 с.

30. Межовиков. М. М. Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина): подвиг терпения и любви. / М. М. Межовиков // Христианство на ближнем Востоке (научный журнал): <https://cyberleninka.ru/journal/n/hristianstvo-na-blizhnem-vostoke?i=1133314> – Самарканд, 2022. – Т.6. №4.– (С. 98 – 140). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-arhimandrita-serafima-sutorihina-podvig-terpeniya-i-lyubvi/viewer> (дата обращения: 1.05.2024).

31. Митров О. Богословское наследие святителя Луки (Войно-Ясенецкого). / прот. О. Митров // Вестник Московской митрополии: <https://mosmit.ru/library/vedomosti/>. – 2015. – №7 (за 2015 год). – URL: <https://mosmit.ru/library/vedomosti/85/1973/> (дата обращения: 23.04.2024).

32. Мызникова Н. И. Состояние проповедничества в России во второй половине XIX века. По материалам журнала «Руководство для сельских пастырей» / Н.И. Мызникова // Вестник СФИ. – 2020. – №35. - С. 148 – 166. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-propovednichestva-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xix-veka-po-materialam->

zhurnal-rukovodstvo-dlya-selskih-pastyrey/viewer (дата обращения: 25.04.2024).

33. Наконечная А. Архимандрит Серафим (Суторихин) / Анастасия Наконечная // Вода живая: <https://aquaviva.ru/>. – 2014. – №2 (февраль). – URL: <https://psmb.ru/a/arhimandrit-serafim-sutorihin.html> (дата обращения 30.04.2024).

34. Наконечная. А. Просветитель в лохмотьях. / А. Наконечная, О.Тушина // Преображенское братство: <https://psmb.ru/>. – 2014. – URL: <https://psmb.ru/a/prosvetitel-v-lohmotyah.html> (дата обращения: 29.04.2024).

35. Невзоров И. А. Мораль стоицизма и христианское нравоучение / соч. И.А. Невзорова. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1892. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/moral-stoitsizma-i-hristiansko-nravouchenie/1> (дата обращения: 03.05.2024). – Режим доступа: свободный доступ.

36. Никифорова О. Живая проповедь / О. Никифорова // Страницы истории и культуры. – URL: <https://www.miass-hram.ru/index.php/stranitsy-istorii-i-kultury/3327-zhivaya-propoved> (дата обращения: 20.04.2024).

37. Новая философская энциклопедия. (Стоицизм) / пред. науч.-ред. совета Степин В.С. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b0552ea2c4c9b035a140> (дата обращения: 14.01.2024). Режим доступа: свободный доступ.

38. Ожегов С. И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с. (с.617). – ISBN 978-59900358-6-7.

39. Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы на встрече со студентами медицинских и фармацевтических вузов России. /

пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси // Официальный сайт Московского патриархата: <http://www.patriarchia.ru/>. – 2019. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5359606.html> (дата обращения: 12.05.2024).

40. Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. / проф. В. Ф. Певницкий // Азбука веры: <https://azbyka.ru/>. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Pevnickij/tserkovnoe-krasnorechie-i-ego-osnovnye-zakony/4 (дата обращения: 13.05.2024)

41. Платон. Диалоги. / Платон; пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус: Non-Fiction. Большие книги, 2022. – 800 с.– ISBN 978-5-389-19884-5.

42. Проценко П. Лицом к лицу: Пастырский опыт о. Анатолия Жураковского / священник А. Жураковский; сост. Павел Проценко // Азбука веры: https://azbyka.ru. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Zhurakovskij/litsom-k-litsu-pastyrskij-opyt-o-anatolija-zhurakovskogo/#source> (дата обращения: 26.04.2024).

43. Прутцков Г. В. История зарубежной журналистики. От Античности до конца VIII века: учеб. – метод. комплект (учеб. пособие, хрестоматия) / под ред. Я.Н. Засурского. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – 432 с.

44. Решетникова А. Обзор литературы XIX-XX веков по гомилетике. Краткая характеристика и элементы проповедничества, приемлемые для современного времени: ВКР. / Александра Решетникова; науч. рук. Фотий Евтихеев (игумен) ; Тобольская православная духовная семинария. – Тобольск, 2006. – URL: https://studbooks.net/870147/religiovedenie/yarkie_propovedniki_russkoj_pra_voslavnoy_tserkvi_stoletiy#653 (дата обращения: 21.04.2024).

45. Роценя Д. Отец Павел Адельгейм. Бодрствуйте. Радуйтесь. /Д. Роценя // Правмир : <https://www.pravmir.ru/> . – 2019. – URL:

<https://www.pravmir.ru/otets-pavel-adelgeym-1/> (дата обращения: 30.04.2024).

46. Сергиенко Д. В. Проповедническая деятельность святого праведного Иоанна Кронштадтского и ее значение для современной России: ВКР: 47.03.01 / Сергиенко Дарья Васильевна; науч. рук. Р.В. Шилишпанов; НИУ БелГУ. – Белгород, 2016. – 81 с. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/24159/1/Sergienko_Propovednicheskaya_16.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

47. Сержантов П. (свящ.). Русская патристика в эпоху новомучеников: отец Сергей Мечёв. / священник Павел Сержантов // Православие.ru: <https://pravoslavie.ru/>. – 2020. – URL: <https://pravoslavie.ru/127809.html> (дата обращения: 30.04.2024).

48. Сухова Н. Пастырское Богословие святого праведного Иоанна Кронштадского. / Н. Сухова // Церковный вестник: <http://e-vestnik.ru> – 2024. – URL: http://e-vestnik.ru/analytics/pastyrskoe_bogoslovie_ioanna_kronshtadtskogo_13070/ (дата обращения: 28.04.2024).

49. Таушев А., архиеп. Руководство по Гомилетике. / архиеп. Аверкий Таушев // Православный миссионерский апологетический центр «Ставрок»: <https://stavroskrest.ru/>. – 2014. – URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/taushev_gomiletika.pdf (дата обращения: 29.12.2023).

50. Титкова Н. Е. Стилиевые особенности проповедей святителя Игнатия Брянчанинова / Н. Е. Титкова // Мир науки, культуры и образования. – Арзамас, 2010. – №4(23). - С. 59-60. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-osobennosti-propovedey-svyatitelya-ignatiya-bryanchaninova/viewer> (дата обращения: 24.04. 2024).

51. Ткачев А., протоиерей. Виноват каждый! (Нет греха – нет войны) / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:05:23 – 00:07:17

(время воспроизведения). – 6.03.2022. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=XZGFAoJnz_o (дата обращения: 3.05.2024). Доступно на : https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

52. Ткачев А., протоиерей. Война не началась – она заканчивается / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:01:50 – 00:03:17 (время воспроизведения). – 25.02.2024. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=jD1ZF_n6p84&t=587s (дата обращения: 2.05.2024). Доступно на: https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

53. Ткачев А., протоиерей. Живите с именем Иисуса. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:10:13 – 00:11:17 (время воспроизведения). – 23.07.2023. – URL: https://youtu.be/TRH_MOVyiXk?si=3lGBW_EltjtmLBsx (дата обращения: 15.05.2024). Доступно на: https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

54. Ткачев А., протоиерей. Забудь о добрых делах. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеоклип. 00:00:31 (время воспроизведения). - 2024. - URL: https://vk.com/clips/prot.andreytkachev?z=clip-211547415_456243002 (дата обращения: 13.05.2024). Доступно на: <https://vk.com/prot.andreytkachev>.

55. Ткачев А., протоиерей. Кроме как к Христу, идти некуда. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:14:58 – 00:16:28 (время воспроизведения) – 1.10.2023. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=uWuq_UJ25Mw&list=WL&index=5 (дата обращения: 12.05.2024). Доступно на: <https://rutube.ru/channel/23639413/>.

56. Ткачев А., протоиерей. Проповеднический труд – это приближение к пропасти / Стромиллова И. // Православие и современность. – 2014. - № 27 (43). – URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/2014-propovednicheskiy-trud> (дата обращения: 24.05.2024).

57. Ткачев А., протоиерей. О проповеди. / протоиерей А. Ткачев // Азбука веры: <https://azbyka.ru/>. – с 2005 г. – URL:

<https://azbyka.ru/propovedi/o-propovedi-prot-andrej-tkachev.shtml> (дата обращения: 12.05.2024).

58. Ткачев А., протоиерей. Проповедь о проповеди. / протоиерей А. Ткачев. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 112 с.

59. Ткачев А., протоиерей. Слова эти поправы в жизни. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:01:59 – 00:03:35 (время воспроизведения) – 19.03.2023. – URL: <https://youtu.be/hjPQjeEo-5M?si=1cL5idzyDeKhdh8b> (дата обращения: 14.03.2024). Доступно на: https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

60. Ткачев А., протоиерей. Схватитесь за Иисуса. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеокалип. 00:00:38 (время воспроизведения). – 2024. – URL: https://vk.com/clips/prot.andreytkachev?z=clip-211547415_456242974 (дата обращения: 10.05.2024). Доступно на: <https://vk.com/prot.andreytkachev>.

61. Ткачев А., протоиерей. Упрёк в сумасшествии (Иные люди). / отец Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:07:37 – 00:09:33. – 6.04.2024. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/13208119543240497114> (дата обращения: 14.04.2024). Доступно на: https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

62. Ткачев А., протоиерей. Церкви необходимо монашество. / протоиерей Андрей Ткачев. Видеозапись. 00:14:30 – 00:41:02. – 2024. – URL: <https://youtu.be/oDVGfpx2dYw?si=8cU4R0qE8C2rTjcH> (дата обращения: 14.05.2024). Доступно на: https://www.youtube.com/@otec_andreytkachev.

63. Ткачев А., протоиерей. Эй вы, люди! Возьмитесь за ум! / протоиерей А. Ткачев // От Юности Мояя † Православие † : https://vk.com/ot_unosti. – 17.04.2021. – URL: https://vk.com/wall-50331579_614224 (дата обращения: 13.05.2024).

64. Трудный опыт церковной проповеди в XX веке / Онлайн-беседа // Преображенское братство: <https://psmb.ru>. – 2020. – URL:

<https://psmb.ru/a/trudnyi-opyt-tserkovnoi-propovedi-v-khkh-veke.html> (дата обращения: 23.05.2024)

65. Федотов Г. П. О стиле в проповеди. / Г. П. Федотов // Предание.ру: <https://predanie.ru>. – 1926. – № 2. – URL: <https://predanie.ru/book/219978-stati-1920-30-h-gg/#/toc3> (дата обращения: 11.05.2024).

66. Цицерон М. Т. Оратор / под ред М.Л. Гаспарова; пер. и ком. И.П. Стрельниковой // Трактаты об ораторском искусстве. – 1972. – URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423777005#4> (дата обращения: 27.04.2024).

67. Шабалин О. А. Проповедническая деятельность архиепископа Ермогена (Голубева) / О.А. Шабалин // Церковный историк: <https://publishing.mpda.ru/index.php/the-church-historian/issue/view/78>. – 2023. – №1(11). – С. 204–216. – URL: <https://publishing.mpda.ru/index.php/the-church-historian/article/view/1374> (дата обращения: 18.05.2024).

68. Шаронов В. Отринувший страх. Памяти протоиерея Павла Адельгейма / В. Шаронов // Правмир: <https://www.pravmir.ru/>. – Калининград – Москва – Калининград. – URL: <https://www.pravmir.ru/otrinuvshiy-strah-pamyati-protoiereya-pavla-adelgeyma/> (дата обращения 11.05.2024).

69. Шахбазян М.А. Структурные особенности и тематические блоки современной православной публицистики. / М.А. Шахбазян // Историческая и социально-образовательная мысль: <https://cyberleninka.ru/journal/n/istoricheskaya-i-sotsialno-obrazovatel'naya-mysl?i=834427>. – 2013. - №5 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-i-tematicheskie-bloki-sovremennoy-pravoslavnoy-publitsistiki/viewer> (дата обращения: 15.05.2024).

70. Шостин (Шостьин) А. Квинтилиан – его влияние на школу и церковное красноречие / А. Шостьин // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. В 12 т. Т 9. Кармелиты — Κοινή / под ред. А.П. Лопухина. – Петроград: Т-во А.П. Лопухина, 1900 – 1911. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-9-karmelity-koine/115#source> (дата обращения: 11.01.2024). – Режим доступа: свободный доступ.

71. Aristotle's Rhetoric. // Stanford Encyclopedia of Philosophy. / Edward N. Zalta, Uri Nodelman. – 2002, 2022. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-rhetoric/> (дата обращения: 20.04.2024).